„Sozialistitscheski Westnik"
„Der sozialistische Bote"
Berlin SW19, Seydelstr. 5, 1. Hof

Preis M. 250.—
in Deutschland
(Doppelnummer)

Zentralorgan der Soz.-Dem. Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии

Выход. 2 раза в месяц при ближ. участии Р. АБРАМОВИЧА, Ф. ДАНА и Л. МАРТОВА

№ 1 (47)	Контора и редакция: Berlin SW, Seydelstr. 5, I. Hof, тел. Zentrum 765	1-го января 1923 г.	Прием по делам редакции ежедн., кроме субботы, от 1—2 час.	3-ий г. изд.

СОДЕРЖАНИЕ:

Россия в Лозанне.

Положение советской делегации в Лозанне было, несомненно, значительно сложнее и труднее чем на предшествующих международных конференциях. Там, в Генуе и Гааге, она была одной из главных участниц, — в том смысле, что именно о дележе российских риз стоял вопрос, об эксплуатации России и о затыкании «русскими» компенсациями репарационных дыр Версальского договора. Здесь, в Лозанне, на очереди дня стоял не русский вопрос, а ближне-восточный со всеми его традиционными политическими, стратегическими и экономическими проблемами, имеющими вековую историю. То или иное решение этих проблем имеет, разумеется, самое существенное значение для России; но оно затрагивает ее интересы лишь косвенно — постольку, поскольку Россия раньше была непременною и одною из наиболее видных участниц «концерта», разыгрывающего ближне-восточную симфонию и поскольку ее конкурренты спешат воспользоваться ее слабостью, чтобы скинуть ее со счетов.

Поэтому в Геную и Гаагу советскую делегацию звали. В Лозанну она навязывалась и была допущена лишь на весьма мало почетных условиях. В Генуе и в Гааге она открыто фигурировала в виде «жертвы», об'екта хищничества империалистических держав—и уже одним этим, совершенно независимо от существа своей политики, привлекла к себе симпатии широчайших масс, враждебно настроенных по отношению к империализму. В Лозанне она выступала в качестве конкуррента империалистических держав, в качестве претендента на равноправное с ними участие в решении ближне-восточных проблем. Чтобы сосредоточить тут на себе массовые симпатии трудящихся всего мира и заинтересовать их в своем успехе, советской делегации надо было показать, что именно самое существо ее политики отделяет ее непроходимою пропастью от империалистов и делает ее знаменосцем мира. Только на этом пути могли ее ждать практические и моральные успехи.

Как же было на деле?

Лозаннская конференция еще не закончилась к тому времени, как мы пишем эти строки. Но уже можно, кажется, не боясь ошибиться, сказать, что ее основным рзультатом будет компромисс между двумя главными партнерами конференции — Англиею и Турциею. Компромисс этот налаживается при содействии Франции и Америки, удовлетворенных, повидимому, полюбовным соглашением о дележе Моссульской нефти, при котором и туркам обещан «клочок медвежьего ушка». Но главные военно-политические выгоды компромисса достаются Англии, укрепившей свои позиции на Ближнем Востоке и открывшей доступ своему военному флоту в Черное море. Успех английской дипломатии очевиден.

Но еще более очевиден настоящий провал дипломатии большевистской.

Оффициальною целью советской делегации провозглашалось обеспечение черноморских границ России от всякого нападения, и незачем подчеркивать, что цель эта заслуживает всяческого одобрения. Россия нуждается в мире и имеет право требовать безопасности.

В свое время, в самый разгар ближне-восточного кризиса, мы имели уже случай говорить о тех морально-политических средствах, которые имеются у революционной страны для наиболее действительного ограждения себя от военных напа-

ний.*) Пока советская Россия в глазах миллионных народных масс была воплощением революции, ей не страшны были грозные флоты и миллионные армии империалистических держав, несмотря на ее собственную военную слабость. Не страшны потому, что эти державы не могли двинуть против нее находящиеся в их распоряжении колоссальные силы без опасения вызвать возмущение своих пролетариев. Поскольку же им удавалось занимать русскую территорию и русские воды своими вооруженными силами, эти силы неудержимо разлагались от соприкосновения с революционной стихией. Об этом и посейчас еще напоминает судьба французского флотского офицера Марти, которому французская буржуазия упорно отказывает в амнистии, мстя за его отказ поднять руку на русскую революцию.

Своей политикой большевистское правительство само выбило из своих рук добрую долю этих могучих средств морально-политической обороны и этим ослабило и значение тех дипломатических комбинаций, к которым свелись доступные ему методы обезопасения русских границ. О весьма относительной ценности таких комбинаций вряд-ли приходится говорить после пережитого опыта мировой войны: они рассыпаются, как карточный домик, в ту минуту, когда становятся невыгодны или неудобны для одной из договаривающихся сторон. Но в тех узких пределах, в которых они могут иметь значение, перед советской делегацией было 2 пути: или решение вопроса о проливах и Черном море путем международного соглашения, в котором участвуют и гиганты империалистического мира, или ставка на Турцию и в союзе с Турцией против этих гигантов.

Казалось бы, между этими двумя путями выбор был нетруден. Если что может помешать введению в Черное море военного флота одной империалистической державы для завоевательных целей, то скорее всего соперничество других таких же держав. Соперничество Франции и Америки с Англией — более действительное средство для умерения «закавказских» и прочих аппетитов Англии, чем укрепление проливов, которые, при известных комбинациях, так же легко могут открыться для судов Его Британского Величества, как они открылись во время мировой войны для германских «Бреслау» и «Гебена». Поэтому естественной программой для советской дипломатии было бы требование международного контроля над демилитаризованными проливами с полным воспрещением прохода военных судов. И — с риском быть зачисленными в изменники «русским национальным интересам» — мы должны признаться, что не видели бы большой беды, если бы это международное соглашение было дополнено обязательством России и других причерноморских стран не держать вовсе или держать лишь крайне ограниченный военный флот в Черном море. Ибо совершенно нелепа мысль, будто Россия может в более или менее предвидимом будущем построить на Черном море такой военный флот, которому была бы посильна задача, оказавшаяся не по плечу и флоту германскому, — помериться силами с соединенным флотом Антанты или хотя бы одной Англии. И вздор, будто бы тот флот, который могла бы создать Россия, был способен сыграть сколько нибудь существенную роль в обороне берегов ее, — если не считать, конечно, самозатопления у входа в Севастопольскую бухту и перевода матросов в сухопутные траншеи, по примеру Крымской войны 1854 г. Если исключить из числа «русских национальных интересов» агрессивные намерения по отношению к Константинополю и проливам, то единственным осязательным результатом построения броненосцев в Черном море было бы бесполезное выбрасывание в воду миллионов золотых рублей.

Итак, казалось бы, естественная программа советской дипломатии была ясна. Но дипломатия эта пошла совсем по другому пути. Всю свою ставку она поставила на турецкую карту, настаивая на военном укреплении проливов и на бесконтрольном распоряжении турок плаванием по ним. Гр. Чичерин обнаружил при этом большое искусство в жонглировании столь презираемыми большевиками в других случаях понятиями о «национальном суверенитете» и «праве народов на самоопределение», как будто именно международным соглашением о разоружении и свободном плавании нарушаются этот суверенитет и это право. Но программа его от этого удачнее не стала.

Начать с того, что вся эта программа (если исключить «традиционные» для русского царизма рассчеты на слабость Турции, которая позволит, в конце концов, проглотить ее со всем «суверенитетом»!) построена на наивном предположении «вечного» сохранения русско-турецкого союза. Достаточно представить себе переход турецкого правительства к «антантовской» ориентации, чтобы понять всю странность этой программы военного усиления Турции с точки зрения обеспечения русских границ! Но еще более плачевно, что и большевистская дипломатия просмотрела весьма существенный факт: что та коньюнктура сегодняшнего дня, на которой она строила все свои «турецкие» комбинации, есть на самом деле уже коньюнктура дня вчерашнего; что правительство Кемаля уже начало перемену ориентации. Об этом кричали все воробьи на крышах. Об этом предупреждал большевиков в своем докладе Орхам, турецкий делегат на 4-м конгрессе Коминтерна. И тем не менее гр. Чичерин разыграл смешную роль «более турка чем сами турки» (которые ни разу не связали себя с его предложениями) и, признанный апостол «всеобщего разоружения», с пеной у рта требовал усиленного вооружения Турции в то самое время как его коллеги по правительству убеждали на конференции в Москве другие сопредельные с Россией страны перековать мечи на орала! Результаты известны: согласно предложению самих турок компромисс достигнут на почве полного провала «турецких» предложений советской делегации: принят международный контроль, демилитаризация проливов, свободный проход для военных судов в Черном море. Впрочем Кемаль выговорил одну «уступку» своим большевистским друзьям: требуемое ими укрепление проливов, отвергнутое для Дарданелл, допущено для обращенного в сторону России Босфора!

Более жалкого фиаско трудно себе представить. И значение этого провала тем более велико, что он представляет собою не частичную неудачу, а подводит итоги всей политической линии советской дипломатии.

Эта линия базировалась на союзе с революционно-националистическим правительством Турции, который, в свою очередь, составляет в арсенале большевистской дипломатии одно из звеньев в системе, сочетающей российский коммунизм с национальными движениями народов Востока и колоний в интересах борьбы с антантовским и, в первую голову, английским империализмом.

Эта система датирует не со вчерашнего дня. Ее основы складывались ощупью, эмпирически еще

*) См. ст. «Угроза миру» в № 19 (41) «С. В.» от 4 окт. 1922 г.

с 1918 года. В 1919 году она была окончательно оформлена в памятном «С'езде народов Востока», где председатель Коммунистического Интернационала братался с Энвер-Беем, главой турецких милитаристов и националистов. Поле ее действия не ограничивается Турцией и узким кругом черноморских вопросов: она протягивает свои щупальцы и в Персию, и в Афганистан, и в Индию, и в Китай, и в Корею, и на Яву, и — в последнее время— даже в Южную Африку.

Эта дипломатическая система всегда была не лишена некоторого привкуса двуличия и подозрительного авантюризма. Ибо, возвещаемая от имени коммунизма и осеняемая багрово-красным знаменем III Интернационала, она всегда слишком грубо-откровенно игнорировала самостоятельные интересы трудящихся масс тех угнетенных стран, которых звала к восстанию против «международного капитала», слишком бесцеремонно толкала их в об'ятия зарождающегося туземного капитализма и слишком бесстыдно эксплуатировала их в своих собственных целях. Об этом теперь с подкупающею искренностью поведал в своем докладе тот-же Орхам, заявляющий, что «в высших интересах» — их и, конечно, в интересах «мировой революции»! — турецкая коммунистическая партия вынуждена была отодвигать на задний план интересы... «классовой борьбы», поддерживая без оговорок, согласно указаниям Москвы, правительство Кемаля, правительство «националистической буржуазии», для которой де «борьба за независимость» вообще всегда была лишь средством для обмана масс, а действительная цель заключалась в порабощении этих масс и укреплении своих экономических и политических привилегий. Большевистские мастера классового анализа «в международном масштабе» охотно закрывали глаза на динамику классовой борьбы внутри «колониальных» стран ради благой цели использования национального движения этих стран в интересах борьбы советского государства с его империалистскими врагами.

Но эта несколько подозрительная и с точки зрения социализма (поскольку она покрывалась его знаменем) компрометирующая, система имела все же относительное историческое оправдание, поскольку была одним из вынужденных средств отчаянной самообороны революционного государства от наступления империалистических гигантов, посылавших на русскую территорию свои вооруженные силы и всячески поддерживавших русскую контр-революцию. Это оправдание исчезло с тех пор, как задача самообороны была удачно разрешена, опасность вооруженной интервенции снята с порядка дня, поддерживаемые иностранным империализмом контр-революционные полчища разбиты бесповоротно на-голову.*)

Но с изменением обстоятельств, до известной степени оправдывавших такую политику, она не была оставлена. Наоборот, она культивировалась все больше и больше. Но цели ее существенно видоизменились. Бедный турецкий коммунист Орхам и его товарищи должны были отодвигать в сторону интересы классовой борьбы и звать турецких пролетариев лить кровь в армиях турецкого национализма уже не за тем, чтобы спасти светоч российского коммунизма от угашения под напором «стихией враждебных» капиталистического мира, а за тем, чтобы дать возможность большевистскому правительству, отказывающемуся от коммунизма, но не желающему ни в чем поступиться своей политической диктатурой, достичь более выгодных условий соглашения с этим миром; добиться формального «признания»; самому начать порабощение Азербейджана, Армении, военную оккупацию Грузии, Хивы, Бухары, насильственную «советизацию» Дальнего Востока; грозить, как это сделал Чичерин в Лозанне, наследственному английскому врагу появлением красной конницы на Памире; — словом, вести «национальную» русскую политику, которую сами советские дипломаты устами того же Чичерина пытались связать с «исконными традициями» русской дипломатии, за что и удостоились лестного одобрения П. Н. Милюкова.

Словом, уже не в интересах самообороны революции, а в «национальных» интересах советской державы пыталось большевистское правительство эксплоатировать национальные движения восточных и колониальных стран. Это — вполне в духе «традиционной» политики царизма, как и всякой империалистической политики вообще. Но в руках советского правительства такая политика безусловно осуждена на неудачу. Ибо отличие царской России от советской на международной арене заключается, прежде всего, в том, что первая была — или казалась — одной из самых сильных военных держав в мире с неисчерпаемыми и нетронутыми материальными рессурсами. Она могла поэтому — до поры, до времени, — вести азартную игру, которая совершенно не по силам и не по карману советской России. Большевистские дипломаты думали, втравливая турецкое правительство в драку с Англией, заставить его играть роль заслонки для оккупированного советскими войсками Закавказья. Но турецкой буржуазии было нетрудно разгадать, что, достигнув власти, ей, пожалуй, выгоднее и безопаснее столковаться с Англией против своего вчерашнего «союзника», приобретая тем самым шансы на кое-какую «компенсацию» в Закавказье в свою собственную пользу.*) И в нужный момент Кемаль совершенно бесцеремонно повернулся спиной к своим «красным» друзьям: мавр сделал свое дело...

Ничего этого большевистские дипломаты, повидимому, не поняли, и «великий» Чичерин продолжал усердно молиться богу русско-турецкой «дружбы», набивая себе на лоб одну шишку за другой. Они не поняли и того, что откровенным выявлением «бонапартистского» характера своей политики они выбили у себя из рук то единственное оружие, которое у них было, — симпатии трудящихся масс в угнетенных странах и пролетариата в Европе и Америке.

И потому никогда еще — ни в Генуе, ни в Гааге — империалистические коноводы конференции не обращались так презрительно-высокомерно с советской делигацией, как в Лозанне. И никогда еще международный пролетариат с таким глубоким равнодушием не относился к ее злоключениям и неудачам. Ведь даже коммунистическая пресса (напр., Юманите) вынуждена печатать километрические статьи, чтобы «об'яснить» своим читателям, почему политика максимального вооружения воинствующего турецкого национализма есть последнее слово революционно-коммунистической мудрости и последний оплот мира!

Лозанна есть тяжелое поражение большевистской дипломатии. Оно будет не последним, если политика, потерпевшая крушение в Малой Азии, будет продолжаться в Средней или на Дальнем Востоке. Эпохи примитивных и весьма проблема-

---

*) Радек на Гаагском конгрессе категорически заявил, что сов. прав. в ближайшее годы **не ожидает** и не боится никаких нападений.

*) Совершенно непонятным при таких условиях является поданный в Лозанне т-щем Чхенкели меморандум, в котором он, по сообщению газет, от имени бывшего грузинского правительства солидаризируется с позицией Англии!

ний.*) Пока советская Россия в глазах миллионных народных масс была воплощением революции, ей не страшны были грозные флоты и миллионные армии империалистических держав, несмотря на ее собственную военную слабость. Не страшны потому, что эти державы не могли двинуть против нее находящиеся в их распоряжении колоссальные силы без опасения вызвать возмущение своих пролетариев. Поскольку же им удавалось занимать русскую территорию и русские воды своими вооруженными силами, эти силы неудержимо разлагались от соприкосновения с революционной стихией. Об этом и посейчас еще напоминает судьба французского флотского офицера Марти, которому французская буржуазия упорно отказывает в амнистии, мстя за его отказ поднять руку на русскую революцию.

Своей политикой большевистское правительство само выбило из своих рук добрую долю этих могучих средств морально-политической обороны и этим ослабило и значение тех дипломатических комбинаций, к которым свелись доступные ему методы обезопасения русских границ. О весьма относительной ценности таких комбинаций вряд-ли приходится говорить после пережитого опыта мировой войны: они рассыпаются, как карточный домик, в ту минуту, когда становятся невыгодны или неудобны для одной из договаривающихся сторон. Но в тех узких пределах, в которых они могут иметь значение, перед советской делегацией было 2 пути: или решение вопроса о проливах и Черном море путем международного соглашения, в котором участвуют и гиганты империалистического мира, или ставка на Турцию и в союзе с Турцией против этих гигантов.

Казалось бы, между этими двумя путями выбор был нетруден. Если что может помешать введению в Черное море военного флота одной империалистической державы для завоевательных целей, то скорее всего соперничество других таких же держав. Соперничество Франции и Америки с Англией — более действительное средство для умерения «закавказских» и прочих аппетитов Англии, чем укрепление проливов, которые, при известных комбинациях, так же легко могут открыться для судов Его Британского Величества, как они открылись во время мировой войны для германских «Бреслау» и «Гебена». Поэтому естественной программой для советской дипломатии было бы требование *международного контроля над демилитаризованными проливами с полным воспрещением прохода военных судов*. И — с риском быть зачисленными в изменники «русским национальным интересам» — мы должны признаться, что не видели бы большой беды, если бы это международное соглашение было дополнено обязательством России и других причерноморских стран не держать вовсе или держать лишь крайне ограниченный военный флот в Черном море. Ибо совершенно нелепа мысль, будто Россия может в более или менее предвидимом будущем построить на Черном море такой военный флот, которому была бы посильна задача, оказавшаяся не по плечу и флоту германскому, — помериться силами с соединенным флотом Антанты или хотя бы одной Англии. И вздор, будто бы тот флот, который могла бы создать Россия, был способен сыграть сколько нибудь существенную роль в обороне берегов ее, — если не считать, конечно, самозатопления у входа в Севастопольскую бухту и перевода матросов в сухопутные траншеи, по примеру Крымской войны 1854 г. Если исключить из числа «русских национальных интересов» *аггрессивные* намерения по отношению к Константинополю и проливам, то единственным осязательным результатом построения броненосцев в Черном море было бы бесполезное выбрасывание в воду миллионов золотых рублей.

Итак, казалось бы, естественная программа советской дипломатии была ясна. Но дипломатия эта пошла совсем по другому пути. Всю свою ставку она поставила на турецкую карту, настаивая на *военном* укреплении проливов и на бесконтрольном распоряжении турок плаванием по ним. Гр. Чичерин обнаружил при этом большое искусство в жонглировании столь презираемыми большевиками в других случаях понятиями о «национальном суверенитете» и «праве народов на самоопределение», как будто именно международным соглашением о разоружении и свободном плавании нарушаются этот суверенитет и это право. Но программа его от этого удачнее не стала.

Начать с того, что вся эта программа (если исключить «традиционные» для русского царизма рассчеты на слабость Турции, которая позволит, в конце концов, проглотить ее со всем «суверенитетом»!) построена на наивном предположении «вечного» сохранения русско-турецкого союза. Достаточно представить себе переход турецкого правительства к «антантовской» ориентации, чтобы понять всю странность этой программы военного усиления Турции с точки зрения обеспечения русских границ! Но еще более плачевно, что и большевистская дипломатия просмотрела весьма существенный факт: что та коньюнктура сегодняшнего дня, на которой она строила все свои «турецкие» комбинации, есть на самом деле *уже* коньюнктура дня *вчерашнего*; что правительство Кемаля *уже* начало перемену ориентации. Об этом кричали все воробьи на крышах. Об этом предпреждал большевиков в своем докладе Орхам, турецкий делегат на 4-м конгрессе Коминтерна. И тем не менее гр. Чичерин разыграл смешную роль «более турка, чем сами турки» (которые *ни разу* не связали себя с его предложениями) и, признанный апостол «всеобщего разоружения», с пеной у рта требовал усиленного вооружения Турции в то самое время, как его коллеги по правительству убеждали на конференции в Москве другие сопредельные с Россией страны перековать мечи на орала! Результаты известны: согласно предложению *самих турок* компромисс достигнут на почве полного провала «турецких» предложений советской делегации: принят международный контроль, демилитаризация проливов, *свободный проход для военных судов в Черном море*. Впрочем Кемаль выговорил одну «уступку» своим большевистским друзьям: требуемое ими укрепление проливов, отвергнутое для Дарданелл, допущено для обращенного в сторону России Босфора!

Более жалкого фиаско трудно себе представить. И значение этого провала тем более велико, что он представляет собою не частичную неудачу, а подводит итоги всей политической линии советской дипломатии.

Эта линия базировалась на союзе с революционно-националистическим правительством Турции, который, в свою очередь, составляет в арсенале большевистской дипломатии одно из звеньев в системе, сочетающей российский коммунизм с национальными движениями народов Востока и колоний в интересах борьбы с антантовским и, в первую голову, английским империализмом.

Эта система датирует не со вчерашнего дня. Ее основы складывались ощупью, эмпирически еще

*) См. ст. «Угроза миру» в № 19 (41) «С. В.» от 4 окт. 1922 г.

с 1918 года. В 1919 году она была окончательно оформлена в памятном «С'езде народов Востока», где председатель Коммунистического Интернационала братался с Энвер-Беем, главой турецких милитаристов и националистов. Поле ее действия не ограничивается Турцией и узким кругом черноморских вопросов: она протягивает свои щупальцы и в Персию, и в Афганистан, и в Индию, и в Китай, и в Корею, и на Яву, и — в последнее время— даже в Южную Африку.

Эта дипломатическая система всегда была не лишена некоторого привкуса двуличия и подозрительного авантюризма. Ибо, возвещаемая от имени коммунизма и осеняемая багрово-красным знаменем III Интернационала, она всегда слишком грубо-откровенно игнорировала самостоятельные интересы трудящихся масс тех угнетенных стран, которых звала к восстанию против «международного капитала», слишком бесцеремонно толкала их в об'ятия зарождающегося туземного капитализма и слишком бесстыдно эксплуатировала их в своих собственных целях. Об этом теперь с подкупающею искренностью поведал в своем докладе тот-же Орхам, заявляющий, что «в высших интересах» — ну, и, конечно, в интересах «мировой революции»! — турецкая коммунистическая партия вынуждена была отодвигать на задний план интересы... «классовой борьбы», поддерживая без оговорок, согласно указаниям Москвы, правительство Кемаля, правительство «националистической буржуазии», для которой де «борьба за независимость» вообще всегда была лишь средством для обмана масс, а действительная цель заключалась в порабощении этих масс и укреплении своих экономических и политических привилегий. Большевистские мастера классового анализа «в международном масштабе» охотно закрывали глаза на динамику классовой борьбы внутри «колониальных» стран ради благой цели использования национального движения этих стран в интересах борьбы советского государства с его империалистскими врагами.

Но эта несколько подозрительная и с точки зрения социализма (поскольку она покрывалась его знаменем) компрометирующая система имела все же относительное историческое оправдание, поскольку была одним из вынужденных средств отчаянной самообороны революционного государства от наступления империалистических гигантов, посылавших на русскую территорию свои вооруженные силы и всячески поддерживавших русскую контр-революцию. Это оправдание исчезло с тех пор, как задача самообороны была удачно разрешена, опасность вооруженной интервенции снята с порядка дня, поддерживаемые иностранным империализмом контр-революционные полчища разбиты бесповоротно на-голову.*)

Но с изменением обстоятельств, до известной степени оправдывавших такую политику, она не была оставлена. Наоборот, она культивировалась все больше и больше. Но цели ее существенно видоизменились. Бедный турецкий коммунист Орхам и его товарищи должны были отодвигать в сторону интересы классовой борьбы и звать турецких пролетариев лить кровь в армиях турецкого национализма уже не за тем, чтобы спасти светоч российского коммунизма от угашения под напором «вихрей враждебных» капиталистического мира, а за тем, чтобы дать возможность большевистскому правительству, отказывающемуся от коммунизма, но не желающему ни в чем поступиться своей политической диктатурой, достичь более выгодных условий соглашения с этим миром; добиться формального «признания»; самому начать порабощение Азербейджана, Армении, военную оккупацию Грузии, Хивы, Бухары, насильственную «советизацию» Дальнего Востока; грозить, как это сделал Чичерин в Лозанне, наследственному английскому врагу появлением красной конницы на Памире; — словом, вести «национальную» русскую политику, которую сами советские дипломаты устами того же Чичерина пытались связать с «исконными традициями» русской дипломатии, за что и удостоились лестного одобрения П. Н. Милюкова.

Словом, уже не в интересах самообороны революции, а в «национальных» интересах советской державы пыталось большевистское правительство эксплоатировать национальные движения восточных и колониальных стран. Это — вполне в духе «традиционной» политики царизма, как и всякой империалистической политики вообще. Но в руках советского правительства такая политика безусловно осуждена на неудачу. Ибо отличие царской России от советской на международной арене заключается, прежде всего, в том, что первая была — или казалась — одной из самых сильных военных держав в мире с неисчерпаемыми и нетронутыми материальными рессурсами. Она могла поэтому — до поры, до времени, — вести азартную игру, которая совершенно не по силам и не по карману советской России. Большевистские дипломаты думали, втравливая турецкое правительство в драку с Англией, заставить его играть роль заслонки для оккупированного советскими войсками Закавказья. Но турецкой буржуазии было нетрудно разгадать, что, достигнув власти, ей, пожалуй, выгоднее и безопаснее столковаться с Англией против своего вчерашнего «союзника», приобретая тем самым шансы на кое-какую «компенсацию» в Закавказье в свою собственную пользу.*) И в нужный момент Кемаль совершенно бесцеремонно повернулся спиной к своим «красным» друзьям: мавр сделал свое дело...

Ничего этого большевистские дипломаты, повидимому, не поняли, и «великий» Чичерин продолжал усердно молиться богу русско-турецкой «дружбы», набивая себе на лоб одну шишку за другой. Они не поняли и того, что откровенным выявлением «бонапартистского» характера своей политики они выбили у себя из рук то единственное оружие, которое у них было, — симпатии трудящихся масс в угнетенных странах и пролетариата в Европе и Америке.

И потому никогда еще — ни в Генуе, ни в Гааге — империалистические коноводы конференции не обращались так презрительно-высокомерно с советской делегацией, как в Лозанне. И никогда еще международный пролетариат с таким глубоким равнодушием не относился к ее злоключениям и неудачам. Ведь даже коммунистическая пресса (напр., Юманите) вынуждена печатать километрические статьи, чтобы «об'яснить» своим читателям, почему политика максимального вооружения воинствующего турецкого национализма есть последнее слово революционно-коммунистической мудрости и последний оплот мира!

Лозанна есть тяжелое поражение большевистской дипломатии. Оно будет не последним, если политика, потерпевшая крушение в Малой Азии, будет продолжаться в Средней или на Дальнем Востоке. Эпохи примитивных и весьма проблема-

*) Радек на Гаагском конгрессе категорически заявил, что сов. прав. в ближайшие годы **не ожидает и не боится** никаких нападений.

*) Совершенно непонятным при таких условиях является поданный в Лозанне т-щем Чхенкели меморандум, в котором он, по сообщению газет, от имени бывшего грузинского правительства солидаризируется с позицией Англии!

тичных дипломатических «успехов», достигавшихся ею, кончена. Наступательная «бонапартистская» политика успехов советскому правительству не сулит, и русский бонапарт, в отличие от своего французского прообраза, сможет быть не повелителем империалистического мира, а лишь его лакеем. Действительные успехи, в смысле обеспечения мира и возможностей быстрого хозяйственного развития, достижимы для революционной России лишь на путях **демократической** внешней политики, неразрывно связанной с демократической политикой внутренней.

Уроки Гааги.

Гаагский «конгресс мира» должен был, по мысли его инициатора, Амстердамского Интернационала, знаменовать собой новую эпоху в борьбе мирового пролетариата за мир. Он должен был не только демонстрировать твердую решимость рабочего класса всех стран противодействовать войне всеми силами и путем самых решительных мер, вплоть до генеральной стачки, но и создать компетентную центральную организацию для практического руководства «войной против войны», и сгруппировать вокруг основных кадров анти-милитаристской армии — 24 милл. организованных пролетариев! — в виде вспомогательных отрядов все те не-пролетарские демократические элементы, которые стоят на почве пацифизма и неприятия войны.

Нужно признать, что конгресс лишь в очень неполной мере оправдал ожидания своих устроителей.

Конечно, конгресс со своими 600 участниками, с бесчисленной армией корреспондентов, с'ехавшихся со всех концов света и напряженно следивших за каждым словом, сказанным на конгрессе, был чрезвычайно внушительной и серьезной демонстрацией против войн и империализма. Ибо здесь, оставляя в стороне несколько десятков пацифистов разных толков, собрались не одиночки, не идеалистически-настроенные, не беспочвенные мечтатели и обладатели рецептов «спасения человечества»,— а чрезвычайно трезвые и практичные вожди весьма умеренных и осторожных в своем подавляющем большинстве профессиональных (и политических) организаций, представляющих собою весьма реальную и крупную силу, неоднократно испытанную в классовых боях. И эти люди, исходя не из отвлеченных принципов и предпосылок, а из реальных, насущных потребностей представляемого ими класса, единогласно заявили, что организованный рабочий класс отвергает войну, как метод разрешения международных или национальных противоречий; что всякая война является поражением для мирового пролетариата и победой для капитализма; что рабочие всех стран будут всеми силами и мерами, вплоть до экономического бойкота и всеобщей забастовки бороться против опасности войны, и что руководство этой борьбой берет на себя мощный международный Союз Професс. Союзов.

Капиталистическая пресса всех стран постаралась по возможности замолчать и самый конгресс, и, в особенности, эту резолюцию конгресса. Но нет сомнения, что внушительный голос Гааги дошел до тех, «кому ведать надлежит» и был «принят к сведению». Значение же Фиммeновской резолюции для **рабочего класса** правильно охарактеризовал в своей речи на конгрессе Фр. Адлер, когда указал, что она своей ясной и определенной **интернационалистской** постановкой вопроса о войне порывает с традициями национализма и «бургфридена», и что ее единогласное принятие на конгрессе (несмотря на оговорки Вандервельде) означает для международного пролетариата значительный шаг вперед по пути высвобождения из под влияния идеологии «военного социализма»*).

Удачно разрешенной можно признать в общем и другую задачу конгресса: установление контакта в борьбе за мир между рабочим классом и пацифистской интеллигенцией.

Можно быть разного мнения о практической ценности для рабочего класса этих «попутчиков», и Исполнительный Комитет Венского Интернационала был того мнения, что лучше было бы созвать конгресс чисто-рабочий и уж потом столковываться с пацифистскими элементами. Но лишь бессовестная коммунистическая демагогия, оперирующая софизмами и спекулирующая на невежество читателей, может изображать дело так, что в Гааге социалистами была заключена некая новая «коалиция с буржуазией». Фон Герлахи, Кесслеры, Отлэ, Брода и Лауренсы, эти «белые вороны» буржуазной интеллигенции, отвергнутые и непризнаваемые своим классом, в роли полномочных представителей мирового капитала, коварно заманивающих в свои «сети» рабочих вождей и... голосующих за резолюции, в которых заявляется, что «мир не может быть окончательно обеспечен, пока капитализм не будет уничтожен и заменен коллективизмом» (рез. Фиммена)!

Но, к сожалению, гаагский конгресс, помимо выдуманных и мнимых, имел и вполне реальные неудачи. Они вызваны, прежде всего, неудовлетворительной организацией конгресса. Исходя из несомненного факта ослабленности политич. организации пролетариата, руководители професс. организаций, взявшие в свои руки созыв конгресса, слишком уже уже сильно во всей аранжировке конгресса и в своих организационных проектах подчеркнули гегемонию професс. организаций над социалистическими партиями. Эта тенденция несомненно имеет под собой определенную реальную почву, вытекающую из об'ективного положения вещей, но уклон в эту сторону чреват большими опасностями, и не выгодно сказался он и на работах самого конгресса, который безусловно прошел бы с большим настроением, произвел бы более сильное впечатление, и дал бы более продуманные результаты, если бы социалистические партии играли на нем более активную роль и принимали участие в его подготовке.

Но было бы неверно, сводить все к суб'ективным ошибкам организаторов конгресса. На работах конгресса, и, в особенности, его комиссий ясно сказался и тот, об'ективный факт, что и широкие руководящие круги пролетариата и сами пролетарские массы Европы еще далеко не изжили всех остатков психологии и традиций военного времени. Резолюция Фиммена, общая декларация французской и бельгийской партий и французской «конфедерации труда» по поводу грозящей оккупации рурского бассейна свидетельствуют с несомненностью о значительном прогрессе в этой области. Но настроение пролетариата и слабость социалистических партий не позволили конгрессу поставить вопрос о «репарационной политике» Антанты и о ликвидации Версальского и иных дого-

---

*) Т. Вальт в варшавской бундовской «Фолькецейтунг» совершенно напрасно пытается найти в резолюциях конгресса рецидив «социал-патриотизма». Цитируемого им места о «наступательной» или «оборонительной» войне в резолюции **конгресса не имеется**: оно, правда, имелось в **проекте** резолюции, но комиссия, после подробных прений спорный абзац устранила.

торов, в том об'еме, в каком это вызывалось бы потребностями мирового пролетариата.

В этой слабости и недостаточной сознательности пролетариата была основная причина слабости и недостаточной решительности Гаагского конгресса.

Но помимо этого, над Гаагой мрачной тучей висел рок общей расколотости и раз'единенности мирового пролетарского движения.

Выступление большевиков на конгрессе лишь с особой остротой выявило все роковое значение этой глубокой раны в груди пролетариата.

Лишь только вопрос о «единстве» встал перед конгрессом, он немедленно отодвинул на задний план прямые задачи с'езда, — борьбу против империализма, — невольно сконцентрировав на себе всю страсть и все внимание социалистических участников с'езда. Не потому, что на этом вопросе разыгрался турнир всех наиболее видных ораторов конгресса, не этот чисто-спортсменский интерес захватил членов конгресса. Для них всех вопрос о «едином фронте», о возможностях и методах преодоления парализующего силы пролетариата раскола является тем основным наиболее наболевшим вопросом, который ни на минуту не перестает занимать и волновать умы и души рабочих в их стране.

Заседания конгресса в последние два дня превратились в страстную дискуссию по вопросу о том, возможен ли единый фронт пролетариата, и кто виноват в том, что он невозможен.

Буржуазия всего мира не скрывала своего удовольствия.

Но нет худа без добра. Дискуссия на Гаагском конгрессе окончательно рассеяла все остатки иллюзий, которые у части европейских социалистов все еще имелись по отношению к руководимому московскими большевиками коммунизму, и показала им лишний раз, что самым крупным препятствием на пути к единению пролетариата является сейчас террористическая диктатура русского большевизма.

В Гааге социалисты всего мира имели случай воочию убедиться, что эта диктатура не только внутри самой России порождает тенденции, опасные для дела мира, но и сильнейшим образом затрудняет борьбу международного пролетариата против империализма и милитаризма.

Р. Абрамович.

Денационализация.

Разве не с целью обеспечить социалистическое хозяйство от новых опасностей провозгласил Ленин пол-года назад новый лозунг: «конец отступлению»? И продналог, и аренда, и переговоры о концессиях заключали в себе уж и до того такую крупную порцию капитализма, и новая буржуазия так энергично плодилась и размножилась в условиях Нэпа, что круг социалистического хозяйства все больше и больше ограничивался небольшой сферой нашей крупной промышленности, железных дорог и внешней торговли, в которые доступ капиталу был запрещен. Это были те «командные высоты», с которых полагалось обозревать и управлять всем народным хозяйством. В сфере этого рода социализма оставались меньше полутора миллиона рабочих при 130 милл. населения; и так странно было называть русское хозяйство в этих условиях социалистическим, что пущено было в ход новое понятие «государственного капитализма». Поэтому, если серьезно говорить, спор у нас с большевиками нынче идет уж не о капитализме или социализме, а совершенно о другом: как велика может и должна при настоящих условиях быть сфера государственного капитализма, и что и в какой мере он должен уступить частному капиталу.

Только об этом и идет речь. Еще два года назад наши коммунисты могли слепо, но за то искренно негодовать на нас за требуемые нами уступки капитализму. Теперь только литературные негодяи могут изображать себя, в отличие от нас, рыцарями социализма и «изобличать» нас за нашу программу в пристрастии к капиталистическим формам производства. И только из грубой демагогии, пользуясь полным молчанием своих противников, может Ленин, не краснея, обещать «конец отступления перед капитализмом», в тот момент как с его согласия изо дня в день «отступление» продолжается, развивается и принимает все более отчетливые, грубые формы.

За эти полгода новый русский капитализм сделал совершенно несомненные крупные успехи, — и это должен знать каждый русский гражданин, в особенности каждый русский рабочий, и в первую очередь каждый рабочий-социалист. Еслиб я вздумал здесь перечислять, цитировать и повторять то, что по этому поводу сообщает официальная печать, — я должен бы написать не статью, а целый том. Но вот для примера несколько последних фактов. Президиум ВСНХ утвердил 6-го декабря проект декрета об условиях и порядке продажи промышленных предприятий (и их имущества), с о с т о я щ и х в в е д е н и и ВСНХ и л и е г о м е с т н ы х о р г а н а х. Декретом определяется порядок, в каком в исключительных случаях разрешается продажа предприятий. «Постановления ГСНХ о целесообразности продажи и оценка предназначенных к продаже предприятий или их имущества должны утверждаться губэкосо. Вырученные за продажу суммы поступают в размере 25% в распоряжение губисполкома на нужды промышленности, остальные 75% в особый амортизационный фонд ВСНХ». Итак, согласно этому порядку, денационализация может производиться местными органами, даже без ведения центральной власти, во всех тех случаях, какие им угодно будет счесть исключительными. При вечной финансовой нужде местных властей и при убыточности огромного большинства национализированных предприятий, таких случаев может представиться не мало, и не трудно предсказать, что новый русский капитализм использует со временем в достаточной мере эту свою принципиальную победу.

Приближаются к осуществлению новые проекты «реорганизации» промышленных предприятий и об'единений. Многие из последних, по новому слову бюрократической мудрости, должны отныне называться «акционерными предприятиями». Разумеется, это новое облачение в капиталистические одежды по существу ничего не меняет. Но при этом предполагается, что некоторая часть акций будет в иных случаях уступаться частному капиталу: иностранному, или русскому, скрывшемуся под иностранной маркой, или же наконец нашим доморощенным нэпманам. Конечно, начать придется капиталу с немногих процентов участия, но и эта форма прогрессирующей капиталистической экспансии не очень вяжется с ленинским обещанием прекратить отступление перед капитализмом.

Каждая новая концессия — опять-таки новый шаг по пути того же отступления. Но оказывается, что, за исключением одной небольшой концессии на Урале, — все доныне подписанные концессион-

ные договоры приходятся как раз на тот период, который прошел с тех пор, как Ленин обещал металлистам не делать больше ни шагу назад. Концессия Круппа только в ноябре приобрела практическое значение; не далее, как недели 3—4 назад берлинская советская миссия отпраздновала банкет со своими новыми компанионами из сфер германно-английского капитализма по случаю окончательного подписания крупповской концессии, в которой, к слову сказать, 75 % принадлежат англичанам. Концессия Отто Вольфа, пробивая первую большую брешь в подступах к одной из «командных высот», тоже приходится на этот период. Переговоры о новых «смешанных» обществах продолжаются, и в ближайшее время ожидается новый концессионный договор, вторично нарушающий монополию внешней торговли. Ни для кого не секрет, что и концессии Уркварта только временно похоронены. Не-сегодня-завтра они будут подписаны.

Надо обладать незаурядной дозой политического бесстыдства, чтоб при этих условиях изображать себя истинными рыцарями социализма в противоположность нам, социалдемократам, открыто сказавшим то, что ныне начинает сознавать в душе и каждый мыслящий коммунист: что на ближайший период преобладающая роль в промышленности принадлежит частному капиталу, что одними силами государства не поднять нашу крупную индустрию, что нужны, неизбежны, необходимы еще дальнейшие крупные уступки.

Но если и в коммунистической среде от старых иллюзий остались одни лишь обломки, и если даже рядовой коммунист начинает все это понимать, то это вовсе не означает, что между экономической политикой коммунизма и требованиями нашей партии стирается грань или постепенно исчезает различие. Нет, различие остается еще очень существенное. Ибо в то время, как российский коммунизм на каждом шагу цепляется за свою старую идеологию, вечно оглядывается на своих европейских коллег по коминтерну и не может расстаться с духом полицейского контроля над всем народным хозяйством и всей общественной жизнью; в то время как большевизм лишь тяжелым опытом бесконечных промышленных катастроф и неслыханных голодных бедствий приходит к убеждению в необходимости новой политики, наша партия требует ясности в понимании нашей экономической ситуации и смелости в осуществлении того, что для России совершенно неизбежно.

Как громко звучат, например, слова о «командных высотах»! Но надо присмотреться ближе к этому изобретению наших хозяйственных кавалеристов. «Первая высота» — железнодорожный транспорт. Но кто не знает, что железные дороги и в царской России, и в императорской Германии почти целиком находились в руках государства? Не так уж велик будет поэтому успех коммунизма, если эту «командную высоту социалистического хозяйства» он сохранит за государством. И тем не менее, неслыханное расстройство транспорта и беспримерная неспособность бюрократического аппарата заставляет даже в этом усомниться. Мы во всяком случае порадуемся, если большевики не доведут до капитуляции и этой «высоты».

Другая «командная высота» — это внешняя торговля. Но странное дело, чуть ли не каждый месяц полу-официальные правительственные сообщения извещают весь мир, что отмена внешнеторговой монополии отклонена «окончательно». И в то же время на «командную высоту» начинают взбираться заграничные купцы, и число их разумеется будет расти по мере того, как будут налаживаться экономические отношения с Западом. К тому-же работа Госторга развивается так плохо и безобразно, что и советские хозяйственники плачутся каждую неделю то в «Правде», то в «Экономической Жизни».

Остается третья «высота» — крупная промышленность. Эта та единственная область, в которой экономический оборот и экономические отношения еще радикально отличаются от обычной капиталистической системы производства. Уступив капитализму одну за другой все другие области, отказавшись от деревенского коммунизма, разрешив свободу торговли, сдавши в аренду добрую долю мелкой промышленности и открывши капиталу доступ во внешнюю торговлю, русский коммунизм «зацепился» в настоящий момент за крупную и среднюю индустрию, с числом рабочих около полумиллиона, как за последний зародыш социализма, как за удобную сферу для государственного капитализма.

Сумеет ли он долго удержаться на этой позиции? Этот вопрос решается теми итогами хозяйствования, которые мы изо дня в день встречаем в официальной печати. В то время, как сельское хозяйство, освобожденное от продразверстки, уже слегка начинает оправлялся от прошлогоднего голода; в то время, как мелкая промышленность хоть и медленно, но налаживает свое производство; в то время, как торговля развивается пышным цветом, занимая даже не подобающее ей крупное положение, — в это время единственным очагом непрекращающейся катастрофы, бесконечных кризисов и полного развала остается «тяжелая индустрия», эта центральная «командная высота» российского коммунизма. И, как нарочно, Донецкий район, который, абстрактно говоря, представляет наиболее подходящую сферу государственного хозяйства, представляет собой картину такого разрушения и такой запущенности, какой не знает никакая другая индустрия. Число рабочих забойщиков падает, и производительность подымается не выше крохотной цифры в 42 миллиона пудов в месяц. Сокращаются запасы сырья, и количество чугуна, нефти, хлопка, шерсти и льна уменьшилось даже по сравнению с началом 1921 г., т. е. последнего момента гражданской войны, когда разрушения достигли, казалось, своего апогея. Петроградская металлопромышленность дает в 1922 году 14% довоенного производства, а производительность рабочего не превышает 46%.

«Тяжелая индустрия попрежнему остается в центре нашего внимания.» Под этим заглавием «Экономическая Жизнь» помещает длиннейшую передовую статью. В чем же выражается это сугубое внимание к тяжелой индустрии? «Центр тяжести — предоставление металлопромышленности возможно максимальных средств.» «Государством в этом отношении многое уже сделано. Одновременно с ассигнованием крупных фондов и оборотных средств топливной промышленности, таковые ассигнованы по последнему квартальному бюджету также и металлопромышленности. В общей сложности за квартал металлопромышленность должна получить до 75 триллионов рублей, из которых значительная часть должна пойти на южную металлургию, находящуюся в самом критическом положении.»

Субсидии из казны, которая денно и нощно мечтает о стабилизации рубля и равновесии бюджета — единственное средство, которым удается поддержать еще последние проблески жизни тяжелой индустрии. Под видом долгосрочных ссуд громадные суммы отпускаются на содержание тех

отраслей промышленности, которым полагается стоять на командной высоте. Им выдано было субсидий:

		милл. руб.
В июне	1922 г.	20 600 000
„ июле	„	30 680 000
„ августе	„	35 248 000

Любопытно при этом, что из этих сумм около 80% приходится на «основные» отрасли, а одна «тяжелая индустрия», т. е. угольная и металлопромышленность поглощают ровно две трети т. е. 66%.

Вот напр., распределение главных августовских субсидий:

	милл. руб.
Угольная промышленность .	11 800 000
Металлопромышленность . .	6 128 000
Сахарная „ . . .	2 000 000
Электротехн. „ . . .	1 474 000
Химическая „ . . .	1 138 000
Текстильная „ . . .	967 000

Иными словами государство крепко держит в своих руках все наиболее дефицитное, самое невыгодное, что есть в русском народном хозяйстве. И не ясно ли всякому, что эти важнейшие отрасли производства потому отчасти так невыгодны и так дефицитны, что ими управляет непригодная для этой цели, разлаженная безконтрольная государственная машина, кишащая миазмами взяточничества и воровства?

Денационализация, т. е. частная собственность никогда не была и никогда не будет боевым знаменем социалдемократии. Не для того социалдемократия воспитывает и организует рабочий класс, чтоб вести его в бой за принципы капитализма. Но она обязана честно и открыто говорить русскому пролетариату правду о русской экономике. Без демагогии и без трусости, одинаково сделавшихся правилом в новейшей политике большевизма, она должна искать тех форм организации промышленности, которые при данных условиях обещают максимальный прогресс производства, и она должна стремиться их полностью осуществить. Ибо верная гибель ждет ту партию, которая якобы во имя социализма, будет сковывать производительные силы и осуждать население на голод и нищету.

Д. Далин.

Либеральный социализм.

I.

Г-н Ст. Иванович, пытающийся в «Заре» организовать правые элементы русской социалдемократии, подводит в «Соврем. Записках» теоретический фундамент под право-социалистическую политику. Помещенная в № 12 этого журнала статья «Демократизация социализма» заслуживает, поэтому, внимания, как показатель тенденций развития определенной части русской демократической интеллигенции, шедшей до недавнего времени под традиционным знаменем революционного социализма.

Мы знаем, конечно, что Ст. Иванович не может считаться ни политическим лидером, ни теоретиком правых течений в русской социалдемократии. Мы знаем, что большинство представителей этих течений всего менее готово признать его орган выразителем их направления. Мы, поэтому, отнюдь не намерены возлагать на правое крыло социалдемократии теоретической и политической ответственности за писания Ст. Ивановича. Но для нас в то же время нет никакого сомнения, что, обладая изрядной чуткостью журналиста, Ст. Иванович уловил то, что бродит в головах многих и многих социалистов, прошедших через оборончество, коалиционную канитель и жестокий опыт борьбы с большевизмом и растерявшим на этом долгом пути всякую веру в принципы традиционного марксистского социализма. Быть может, сейчас еще не многие из наших «правых» решатся солидаризироваться с ревизионистской попыткой Ст. Ивановича «демократизировать» социализм. Но я боюсь, что уже сейчас никто из них не решится принципиально отмежеваться от этого радикального пересмотра. И именно поэтому, весьма своевременно поставить все точки над ї и на примере статьи Ст. Ивановича показать, о чем, в конечном счете, идет дело в непрекращающемся уже столько лет споре между «левым» и «правым» течением российской социал-демократии.

II.

«История социализма», заявляет Ст. Иванович в самом начале статьи «окрашена одной чертой, которую можно характеризовать так: борьба с демократией» ... «Борьба социализма с демократией окрашивает всю его историю до наших дней» ...

Заметим, что здесь речь идет не о борьбе социалистов с демократами, а именно о борьбе двух идеологий: социализма и демократизма.

Это, столь смело формулированное, положение Ст. Ивановича является продуктом его крайне поверхностного, чтобы не сказать больше, знакомства с предметом. Разумеется, первые великие утописты социализма Оуэн, С. Симон, Фурье, рассматривали социализм, как чисто экономическую проблему и проявляли полное равнодушие к политическим формам и политической борьбе; в этом смысле они были столь же враждебны «демократическому», как и «аристократическому» или монархическому режиму. Верно также, что, по крайней мере, у сен-симонистов крайний радикализм социальных построений сочетался с авторитарной, определенно анти-демократической тенденцией. Но известно, что ни одна из этих утопических сект не оказала, как таковая, заметного влияния на развитие рабочего движения и на формирование того рабочего социализма, который с 30-ых г. г. 19-го века стал все возрастающим фактором в политической жизни Европы. Этот социализм, напротив, непосредственно примыкал к крайним демократическим традициям предыдущего века. Уже первые его провозвестники, коммунисты Бабеф и Буонароти, одновременно с требованием экономического равенства, выдвигают лозунг «конституции III года», т. е. Робеспьеровской, ультра-демократической конституции. Не только Бланки и его ученики, но и такие коммунистические утописты, как Этьен Кабэ, как ученик Фурье Виктор Консидеран, выступают борцами за последовательно-демократическую республику, за всеобщее и равное избирательное право, за прямое народное законодательство. Не говорим уже о социалистах более умеренного толка, как Луи Блан, который в центре политических задач раб. класса ставил всеобщее избирательное право, или как социалистческие вожди чартистского движения, вроде одного из крупнейших среди них, Бронтерр о-Бриена, который уже в 1834

году полемизировал против своеобразного «советизма», свившего себе гнездо среди части революционных рабочих. Вождь строительных рабочих Джемс Моррисон развил в газете «Пионер» целый план диктатуры (он употреблял это слово) трэд-унионов. «Палата трэд-унионов, писал он, будет ведать хозяйственными нуждами страны в согласии с волей унионов.... У нас всеобщее избирательное право начинается в местном унионе, приобретает более широкий характер в районном и общеанглийском унионе, чтобы затем поглотить политическую власть и быть поглощенным во всеобщей хозяйственной организации трудящегося народа.» Сторонник Моррисона, Джемс Смит, писал в то же время: «Парламент ничего не понимает в интересах народа и не заботится о них: он составлен из эксплуататоров... Парламент дискредитирован и уже никогда не вернет себе прежнего доверия. Он будет заменен палатой трэд-унионов.» Этим предшественникам советизма и синдикализма*) Бронтерр О'Бриен отвечал в своей газете «На страже бедности»:

«Всеобщее избирательное право означает не просто политиканство, но господство народа в государстве и общине, т. е. правительство, управляющее в интересах трудящегося класса.»

Такие споры велись в самом начале чартистского движения. И даже Ст. Ивановичу должно быть известно, что с ростом этого движения, сопровождавшимся усилением его революционного характера, победила полностью тенденция О'Бриена, а не Моррисона. В центре всей борьбы чартистов стояли лозунги всеобщего избирательного права и годичных парламентов.

Равным образом, к концу 40-ых годов все революционно-социалистические элементы во Франции ставили своим очередным лозунгом демократическую республику. Во имя ее и всеобщего избирательного права члены тайных социалистических обществ вывели в февральские дни 1848 г. на улицу рабочие массы.

Разумеется, и английские чартисты, и особенно французские социалисты питали при этом иллюзию, что полная демократия одним ударом сделает пролетариат и социализм господином в государстве. Разочарование в этой иллюзии снова вызвало к жизни а-политические тенденции в социализме; в частности, усилило влияние цитируемого Ст. Ивановичем Прудона. Но а-политическое и, тем самым, «анти-демократическое» течение в рабочем движении оставалось лишь отдельным ручейком и скоро программно и теоретически отмежевалось от социализма, как движение анархистское.

Если о полуутопическом социально-революционном движении английских и французских рабочих уже нельзя сказать, что оно было антидемократическим или вело «борьбу с демократией», то в применении к возникшему в конце 40-ых г. г. научному макрсистскому социализму характеристика Ст. Ивановича является просто злостной каррикатурой. В «Манифесте Комм. Партии» Маркс и Энгельс определяют ближайшие задачи коммунистов в разных странах и везде — для Англии, как для Франции, для Германии, как для Швейцарии, — вменяют им в обязанность поддержку движений, направленных к завоеванию республики, демократии, всеобщего избирательного права. Конечно, Маркс и Энгельс тогда думали, что всеобщее избирательное право вскоре-же поставит во Франции и Англии у власти социалистов, что в Германии демократическая республика вскоре, под влиянием социалистического переворота на Западе, превратится в республику социалистическую. По поводу всех этих ошибочных рассчетов можно теперь, спустя ¾ века, самодовольно пофилософствовать об «утопизме» основателей научного социализма. Но факт остается фактом: хотя бы потому, что они ошибались в своих рассчетах, но они не вели борьбу против демократии во имя социализма, как это следовало бы по Ст. Ивановичу, но вели борьбу за демократию во имя социализма.

То, что Ст. Иванович называет борьбой социализма против демократии и что, действительно было, есть и будет неот'емлемой чертой всякого подлинного социализма, это — борьба против демократических иллюзий.

Демократические иллюзии заключаются в том, что, раз в государстве достигнуты основы демократизма — политическое равенство, — то пролетариат уже не нуждается в классовой борьбе. С этими демократическими иллюзиями шли к рабочим массам буржуазные «чистые демократы» — Шульце-Деличи и Гамбетты —, стремясь отвлечь их от организации самостоятельных классовых партий. Борясь с этими иллюзиями буржуазных демократов, социалисты разоблачали перед рабочими ложь существующих демократических республик и монархий, в которых, несмотря на суверенитет народа, фактически господствует, благодаря власти капиталистической олигархии над умами большинства трудящихся, диктатура этой олигархии; в которых значительная часть политических прав оставалась для масс фикцией. Позже, когда политическая самоорганизация рабочего класса позволила ему кое в чем ограничить эту капиталистическую диктатуру, социалистам приходится перед лицом апологетов «чистой демократии», защищать право пролетариев на классовую борьбу против органов государственной власти, — несмотря на то, что эти последние выступают, как органы народной воли. Припомним ожесточенную борьбу французской республики и других демократических государств против права стачек для почтовых служащих и других категорий пролетариата, эксплуатируемых государством. В этой борьбе снова право класса на самоопределение враждебно сталкивается — и, в силу социальной разнородности, не может не сталкиваться — с формальным принципом народовластия, как оно сталкивается, когда большинство «нации», увлекаемое и обманутое кучкой хищников, требует от пролетарского меньшинства, чтобы оно беспрекословно шло проливать кровь во внешней завоевательной войне.

Борьба против фетишизирования «демократии», против навязывания, во имя суверенитета народа, пролетариату, находящемуся в меньшинстве, такого «самоограничения», которое лишило бы его средств отвоевать себе большинство, — эта борьба входит интегральной частью в деятельность революционной социалдемократии, и отказ от нее фактически приводит к ликвидации социалдемократии. Перекрещивая эту борьбу в «борьбу против демократии», Ст. Иванович сам фактически становится на почву принципиальных противников социалдемократии.

Не сразу и после ряда опытов пришли европейские рабочие к выработке тех методов использования демократических учреждений, которые позволили бы им реализовать в государстве, хотя бы отчасти, свою растущую социальную мощь, как

*) Надо иметь в виду, что передовые английские рабочие в это время пережили жестокий удар, поддержав либералов в борьбе за реформу избират. права: они были ими обмануты, так как реформа 1832 г. оставила их бесправными.

класса. В то время, как анархисты отворачивались от демократии ввиду того, что она оказалась «ложью» для разделявших демократич. иллюзии народных масс, социалисты пришли к выводу, что использование демократических учреждений пролетариатом, с'организавшимся в самостоятельную классовую силу и борющимся за социализм, есть то средство — и притом то единственное средство, — которое препятствует превращению этих демократических учреждений в фиговый лист неограниченной капиталистической диктатуры и которое может позволить пролетариату сделать их рычагом своего социального освобождения.

В программе французской рабочей партии, написанной в 1881 г. Ж. Гэдом и П. Лафаргом при непосредственном участии Маркса и Энгельса, так и сказано, что, обособлением рабочего класса в самостоятельную политическую силу, само всеобщее избирательное право становится из орудия обмана орудием освобождения.

Опыт, главным образом германской социалдемократии, лег в основу этого представления о сознательной классовой борьбе, оплодотворяющей политические формы демократии и изменяющей ее историческое содержание.

Всей этой конкретной истории развития с. д. идеологии Ст. Иванович не знает, либо о ней позабыл. Ценность демократии определяется им совершенно отвлеченно — вне конкретного ее социального содержания. Что касается значения демократии, как арены для свободного развития классовой борьбы, — то об этом в статье Ст. Ивановича вы не найдете и намека, как и вообще о классовой борьбе, классовом движениии, классовой идеологии в этой статье, трактующей об отношении между демократией и социализмом, ни разу не упоминается. В салонах «Зари» и «Сов. Записок» это, очевидно, считается обязательным требованием хорошего демократического тона. Не правда ли?

III.

Зато в этих салонах с охотой готовы поговорить о «цели» и «средстве». Социалисты говорят: «социализм есть цель, демократия — средство». Ст. Иванович об'являет самую постановку вопроса о «цели» и «средстве» «метафизической», не-научной. Совершенно независимо от Гегеля, он открыл, что то, что в одной связи явлений представляется нам средством, в другой приобретает характер цели. Тем не менее, он снисходительно соглашается разобрать по существу тезис социалистов и отвергает его радикально. Вместо этой «искуственной иерархии целей и средств», он предлагает другую: «демократия и социализм — равно средства для единой цели — свободы». Однако, он готов сделать еще шаг дальше и сказать, «вопреки формуле I-го Интернационала»: «общественное производство есть средство, а демократия есть цель социалистического движения».

Все это рассуждение о средстве и цели, с вольным подражанием Гегелю и квази-философской ученостью, представляет собой образец невежественнейшего фельетонизма. Ст. Иванович до такой степени чужд всему духу марксистского социализма, что даже не способен заметить, что у марксистов речь идет не об «иерархии» суб'ективных идеалов, а об анализе определенного исторического процесса и именно процесса классовой борьбы пролетариата капиталистической промышленности. Анализируя причины этого процесса и его внутренние тенденции, марксизм приходит к убеждению, что процесс этот, в силу законов накопления капитала, обострения классовых противоречий, ослабления средних классов и т. д., и т. д., ведет через завоевание пролетариатом государственной власти к падению капитализма и организации социалистического хозяйства. Констатирование этой основной тенденции современности равнозначуще признанию, что цель исторического движения пролетариата есть социализм и что средством, одним из главных средств для его осуществления является завоевание политической демократии, «без которой пролетариат не может осуществить своей власти в государстве».

Констатируя это, марксизм менее всего занимается сравнительной расценкой имманентной ценности отвлеченных категорий: «свобода», «демократия», «общественное хозяйство» и т. п.: это занятие марксисты всегда предоставляли «критически мыслящим личностям» из лагеря «идеалистических» путанников. Не потому демократия есть «средство», а социализм «цель», что идеал политического равенства был-бы менее «высок», чем идеал социального равенства, а только потому, что реальный субстрат исторического процесса — классовая борьба неимущих против имущих — ведет через первое ко второму.

И именно поэтому, вполне законно, вполне научно употребление — в применении к социализму — термина «конечная цель».

Упомянув об этом термине, Ст. Иванович начинает хихикать: «конечная цель — это нечто, на чем прекращается история, в чем растворяется вся конкретная жизнь (!). Это, может быть, блаженная, но все же смерть. И когда социализм выдается за «конечную цель», то это только свидетельствует о том, как легко социализм переходит в эсхатологию».

Давно, вероятно, таил в себе Ст. Иванович алчное желание пустить в ход эту самую «эсхатологию»*) против социализма. И слово такое красивое, и нет вот уже 25 лет ни одного буржуазного осла в профессорском колпаке и ни одного филистера реформизма, который бы не позубоскалил насчет «эсхатологических» представлений социалистов о «конечной цели». Но так как марксизм ни о какой конечной цели, к которой двигается человечество или личность, не говорит; так как он констатирует лишь весьма реальный факт, что историческое движение определенного класса должно закончиться с осуществлением данной цели — введения социалистического хозяйства, то ничего другого, кроме буржуазной пошлости третьего сорта, упражнения Ст. Ивановича по этому поводу не представляют. И наш автор будет оспаривать, что с осуществлением социалистического хозяйственного строя история пролетариата, как пролетариата, закончится?

Любопытнее всего, что, потратив столько пороху на доказательство того, что демократия скорее, чем социализм, может быть названа целью, наш путанник затем все силы своего ума напрягает для доказательства того положения, что, раз только осуществлена демократия, то социализм сам собой приложится. И именно сам собой. Вот какая идиллия рисуется Ст. Ивановичу:

«Для тех, кто понимает, что социализм нельзя отнести к некоему рубежу, по одну сторону которого социализма «еще нет», а по другому он «уже есть», — для этих социалистов социализирующие

*) Эсхатология—учение о втором пришествии («тысячелетнее царство»).

тенденции демократии факт основного теоретического и практического значения».

«Эта социализирующая тенденция проистекает из того, что, стремясь к формальному моменту равенства, демократия неизбежно наталкивается на нищету, невежество, порабощение личности экономическим гнетом, которые должны быть устранены для того, чтобы равенство из формулы превратилось в факт. Социальное законодательство в самом широком смысле становится функцией демократии. Она может даже не ставить себе при этом никаких экономических задач. Но ей нужно отвоевать себе гражданина, политическую единицу. И, если для этого демократии приходится прорваться в область имущественных отношений, ибо в них, закованный в цепи экономического рабства, погибает в нищете гражданин, она сюда врывается, никогда не задумываясь о пределах своей компетенции. Она обязана высоко держать знамя гражданина. И только этого ей достаточно, чтобы она не позволяла никому принуждать гражданина работать больше 8 часов, самодержавно устанавливает правила внутреннего распорядка, принимать и увольнять рабочих без согласия всех рабочих, отрывать от учения детей, обрекать на голод безработных и т. д. и т. д.»

Воистину, такой бесстыдно-лживой апологии буржуазной демократии нам еще не приходилось встречать в политической литературе! И для кого только пишутся подобные суздальские картины? Представление о том, что экономическое равенство должно явиться логическим последствием применения принципов демократии к сфере социальных отношений, было свойственно многим революционерам на заре социалистического движения. С тех пор действительность открыла пред самыми наивными политиками сложную сеть классовых отношений, исключающую столь прямолинейный путь развития. Демократия развернула в высокой степени самостоятельность трудовых масс; но она же явилась политическим строем, гарантирующим наиболее всестороннее, мощное развитие капитализма, неизбежно сопровождающееся ростом социальной мощи крупной буржуазии и ее реального влияния на государственную власть. Поэтому, все те социальные реформы, о которых упоминает Ст. Иванович, явились результатом самой напряженной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, а никак не результатом распространения в обществе убеждения, что для демократии нужны «граждане» и что для того, чтобы быть свободным, гражданин не должен быть экономически-угнетен. Момент для рассказывания своих бабушкиных сказок Ст. Иванович, надо признать, выбрал весьма удачно: именно теперь, когда во всех демократиях идет бешеная аттака на 8-мичасовой день и когда итальянская демократия склонилась перед диктатурой Муссолини, — именно теперь особенно убедительно звучат слова об автоматическом распространении политического равенства на область экономики, которое якобы имеет место в современных демократиях!

IV.

Так выглядит этот обновленный «социализм» г.г. Ст. Ивановича, Вишняка, Авксентьева и Руднева, «социализм» ушибленных русской революцией и русским пролетариатом обывателей. Этот социализм имеет, конечно, все шансы быть благосклонно встреченным всеми благовоспитанными людьми. Орган г. Милюкова уже выразил свое благосклонное отношение к такому виду социализма и готовность идти с ним рука об руку.

Гораздо менее шансов имеет он соблазнить сколько нибудь значительные элементы рабочего класса. Правда, в результате банкротства большевизма и реакции против вызванных им в массах иллюзий, повсюду в Европе замечается в рабочем движении усиление реформистских настроений. Однако, окружающая обстановка крайне затрудняет этим настроениям отлиться в законченную систему, принципиально отрицающую революционную борьбу классов и базирующуюся на вере в автоматическое превращение буржуазной демократии в социальную.

Ибо никогда еще в Европе не торжествовала так формальная демократия, как нынче. От Афин до Дублина, от Гельсингфорса до Лиссабона, — повсюду республиканская или полуреспубликанская форма правления, парламентаризм на основе всеобщего избирательного права и т. д. И никогда еще не было такого вопиющего, бьющего в глаза, противоречия между этой формальной победой демократического принципа и реальностью власти народного большинства. Не говоря уже о фашизме, который в разных, порой еще зачаточных, формах вводится там и здесь, как «корректив» к демократическому парламентаризму; не говоря уже о «некоронованных королях» Штиннесах, подавляющих своей экономической мощью «волю народа», выраженную в парламенте, и о милитаристских кастах, стоящих фактически над демократией и вершащих государственную политику в старых и новых республиках; — разве не поразителен тот факт, что в старых демократических государствах, как Англия и Франция, фактически вся внешняя политика, определяющая ныне всю политику вообще, вершится правительствами за спиной парламентов, которые неизменно ставятся перед совершившимся фактом при каждой из столь частых конференций, решающих судьбы мира?

При таком положении дел, в рабочем классе, и после разочарования его в большевистской идеологии голого революционного насилия, вряд ли сможет укрепиться вера в мирное безболезненное развитие через демократию к социализму. Перед лицом итальянских событий, показавших, как, еще задолго до реальной угрозы потери власти в государстве, буржуазия готова покинуть почву легальности и перейти на путь «большевизма справа», немногие социалисты подпишутся под словами Каутского, которые с восторгом цитирует Ст. Иванович, — словами о том, что, если 50 лет назад Маркс допускал для таких стран, как Англия и Голландия, возможность перехода власти к пролетариату мирным путем, то теперь такой мирный переход является наиболее вероятным для всех демократизированных стран Европы. Напротив, поскольку всемирная война укрепила в громадном большинстве европейских стран (да и в Америке) милитаристскую организацию, — поскольку возросла опасность того, что на всякое реальное приближение пролетариата к государственной власти капиталистический клас ответит «по итальянски», попыткой установить свою диктатуру, хотя бы ценой гражданской войны; что, поэтому, борьба пролетариата за подлинную демократию не сможет удержаться в «мирных рамках».

При этом не только обострение социальных противоречий внутри современных демократий создает шансы не мирного, а революционного характера борьбы за власть между пролетариатом и буржуазией. Обострение отношений междугосударственных, невыносимые международные отношения, созданные империализмом, неспособным справиться с противоречиями капиталистического развития, сулит Европе новые войны, а, следовательно, новые угрозы успехам демо-

кратизма. И не ирония ли судьбы, что профессиональные рабочие союзы, наиболее глубоко пропитанные умеренно-реформистскими настроениями, вынуждены провозглашать ультра-революционные средства борьбы против все растущей опасности новой войны; средства, в которых организованный пролетариат заранее противопоставляет свою волю, как класс, воле демократии своей страны, которая вздумала бы воевать?

Таким образом, можно рассчитывать, что бог капитализма не выдаст и свинья умеренности и акуратности не с'ест революционные традиции и революционный идеализм европейского рабочего движения. После, быть может, и долгого идейного кризиса и разброда, созданного банкротством большевизма, который загадил и оплевал все лозунги революционного марксизма, пролетариат вынужден будет опытом своего классового движения вернуться к социализму классовой борьбы, к социализму Маркса и Энгельса.

Л. Мартов.

На повороте.

(Проф. союзы в 1922 году).

1.

Основным принципом, руководящей идеей старой классической советской профессиональной политики было отрицание самой возможности экономической борьбы в советском государстве. Отказ от старой экономической политики, появление в России большого числа частных (главн. образом арендных) предприятий, попытки советского правительства привлечь в Россию крупный иностранный капитал, перевод государственных предприятий на начала коммерческого рассчета — все это с полною очевидностью выяснило несостоятельность этого принципа. Уже в течение второй половины 1921 г. то тут, то там начинало пробиваться сознание необходимости изменения характера проф. союзов, превращение их в органы защиты интересов рабочих. В практике союзов вновь получили признание коллективные договоры, даже коллективные договоры с государственными органами, которые еще за год до того показались бы всякому правоверному коммунисту буржуазной ересью. Ясно чувствовалось, что заколебалось все здание традиционной советской профессиональной идеологии, но все это были лишь симптомы грядущей перемены. Подавляющее большинство проф. работников, не исключая и коммунистических вождей русских проф. союзов, совершенно не отдавало себе отчета в том, что здесь намечается решительный перелом в профессиональной политике, изменение самых принципов, на которых строится идеология проф. движения.

Для того состояния идейного упадка и духовной омертвелости, до которого дошли к этому времени проф. союзы, и для состояния полной зависимости проф. союзов от коммунистической партии характерно, что перемена эта пришла извне, что проф. союзы не нашли в себе достаточно сил и достаточно решимости для формулировки своих задач в новых условиях. Союзы послушно проводили ту политику, которую намечала для них коммунистическая партия. И поворот в этой политике осуществлен был тоже по указанию партии. Характерно далее, что эта перемена проф. политики была намечена лишь партийной верхушкой без привлечения к обсуждению вопроса хотя бы более или менее широких кругов партийных работников в проф. союзах. Когда 17-го января 1922 г. ЦК РКП опубликовал в «Правде» новые тезисы «о роли и задачах профсоюзов», в которых заявляет, что

> **«одной из самых главных задач проф. союзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом»,**

и что и

> **«по отношению к социализированным предприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся», —**

тезисы эти для массы проф. работников были громом из ясного неба, что не помешало им впрочем с большой поспешностью «целиком и полностью» принять новый символ веры*).

Пусть читатель не подумает однако, что январьские тезисы ЦК компартии знаменуют собой полный отказ от прошлого. Этого нет. Наряду с принципиальным поворотом тезисы содержат немало обломков отживающей старины. Профсоюзы «не могут отказаться от нажима» на рабочих в интересах «всего народного хозяйства в целом»; для этой цели сохраняются печальной памяти дисциплинарные суды (с тех пор успевшие умереть), которые должны «неуклонно повышать дисциплину труда». При трудовых конфликтах союзы играют не роль представителей рабочих, а роль «посредников» между обеими сторонами. Союзы по прежнему остаются в положении подчинения по отношению к компартии, которая является «высшей инстанцией, достаточно авторитетной, чтобы разрешать немедленно» возникающие внутри союзов «конфликты, несогласованности и трения». И т. д. Но, конечно, не в этой старине, а в принципиальном признании союзов органами защиты интересов рабочих, органами их классовой борьбы заключается значение этих тезисов. То, что исподволь назревало в недрах проф. союзов и что при внутренней хилости русских проф. союзов лишь медленно и с большим трудом пробилось бы к жизни, нашло в этих тезисах свое — пусть неполное — признание. Лед был сломан.

Попытаемся на ряде основных проблем союзной политики проследить внутреннюю эволюцию, пережитую в течение истекшего года нашими проф. союзами.

2.

Центральным вопросом организационной политики профсоюзов, остро вставшим с момента провозглашения нового курса профессиональной политики, был в течение всего 1922 г. вопрос о характере союзного членства. В течение 1918 — 1921 г.г. участие в союзах стало фактически обязательным в России. Но участие это носило чисто формальный характер: поступление на работу автоматически сопровождалось зачислением в союз, членские взносы либо вовсе не взимались, либо вычитались конторой предприятия из заработка рабочего; внутренней связи между союзом и рабочей массой при таких условиях не создавалось, а у руководителей союзов развивалось чувство безответственности перед массой, развращающее и дезорганизующее весь союзный аппарат.

Январьские тезисы ЦК компартии так характеризуют это положение:

> «Формальное отношение союзов к зачислению в члены союзов **внесло известную степень бюрократического извращения в профсоюзы и оторванность последних от широких масс своих членов,** поэтому необходимо со всей решительностью осуществить **добровольное членство,** как в отношении индивидуального, так и коллективного поступления в союзы».

Добровольное членство не мирится с системой опеки союза его коммунистической верхушкой, оно неизбежно толкает на путь развития в союзе начал широкой демократии, вызывающих чувство трепета и возмущения у людей, привыкших к власти в обстановке всеобщего бесправия. И после оживленного обсуждения вопроса о добровольном членстве союзные бюрократы как будто нашли выход из положения. На состоявшемся в феврале пленуме ВЦСПС было постановлено, что членство в союзах должно носить добровольный характер, но... решение о вступлении в союз принимается коллективно на общем собрании рабочих и служащих учреждения; если большинство собрания выскажется за коллективное участие в союзе**), меньшинство обязано подчиниться или лишается работы; если принять при этом во внимание официальное покровительство этому т. н. коллективному членству и решительную борьбу с противниками его,

*) По первоначальному проекту резолюции пленума ВЦСПС постановления о коллективном членстве должны были приниматься общими собраниями рабочих и служащих большинством ⅔ голосов («Труд» от 17-го февраля). в окончательной резолюции пленума даже и этой гарантии нет, и достаточно простого большинства.

**) См. нашу статью «К пятилетию ВЦСПС» в № 16 «Соц. Вест.» за 1922 г.

как с врагами советской власти, то станет ясно, что это постановление ВЦСПС свело на нет значение его собственного решения о переходе к системе добровольного членства.

Но жизнь профсоюзов не укладывается в колодки, уготованные для нее союзной бюрократией. Новая капиталистическая русская экономика неизбежно рождает в рабочих массах потребность в проф. организации, построенной на началах свободного участия в ней рабочих масс и свободного выявления их воли. Коллективное членство, как оно сложилось у нас в течение первой половины года, становится в противоречие с этими жизненными потребностями рабочего движения, и у нас на глазах идея эта хиреет и близится к смерти. Бюрократизированное коллективное членство не мирится к тому же с системой добровольной уплаты членами союзов их взносов и не допускает поэтому здорового развития финансового хозяйства союзов. И состоявшийся в конце сентября 5-й Всероссийский с'езд проф. союзов вынужден был подвести роковой итог опыту коллективного членства и вынес следующее постановление:

«Задачи, стоящие в данный момент пред союзами, могут быть выполнены лишь при большой спайке членов союза со своим союзом; **лучшей формой такой связи является индивидуальное членство, которое следует неуклонно проводить в жизнь».**

Развитие вопроса о характере союзного членства неразрывно связано с вопросом о взимании членских взносов. И в этом вопросе наши союзы переживают заслуживающую внимания эволюцию.

Февральский пленум ВЦСПС и по этому вопросу вынес роковое решение:

«По постановлению общего собрания рабочих и служащих предприятия или учреждения взимание **взносов может быть произведено через контору предприятия или учреждения при выдаче заработной платы».**

Взимание взносов в союз конторой предприятия стало общим правилом. До такого уродства надо было додуматься: хозяин — и даже не только государственное предприятие, но и частный хозяин-капиталист, — взимает с рабочего его членский взнос в союз!

Но у этого «удобного» способа оказалась весьма неудобная оборотная сторона: взносы частью взимаются неаккуратно, частью же просто застревают в хозяйских кассах. Жалобы на тяжелое финансовое положение союзов не прекращаются в течение всего года:

«На последнем заседании ВЦСПС выяснилось, что **задолженность хозорганов профсоюзам колоссальна.** Так по сообщению ЦК металлистов долг Югостали равняется 120 миллиардам. Пищевые тресты должны ЦК пищевиков 123 миллиарда, и т. д., и т. д.» («Труд» от 23-го ноября, передовая).

И 5-ый Всероссийский с'езд профсоюзов вынужден был сделать вывод:

«Членские взносы должны служить не только средством к существованию союзов, но также и одним из методов связи союза со своими членами. Лучшей формой связи является **персональное получение членских взносов,** производимое через фабзавком или уполномоченных. Союзы должны разработать целый ряд (!) конкретных мероприятий, облегчающих переход к единоличному внесению членских взносов. Исключения из этого порядка могут быть допущены только при наличии технических затруднений».

Правда, это постановление не отличается достаточной категоричностью, но и оно является большим шагом вперед.

В центре внимания профсоюзов во всех странах стоит задача обеспечения рабочим достаточной заработной платы. Русские профсоюзы в последние — до 1922 — годы иначе подходили к этому вопросу. Ставя своей основной задачей организацию производства, в принципе отвергая мысль о защите в советском государстве интересов рабочих, как продавцов рабочей силы, союзы проводили политику удержания заработной платы на низком уровне, обрекавшем рабочих на голодное существование*).

*) См. «Соц.-политич. обозрение» в № 22 «Соц. Вест.» за 1921 г. и в № 18 за 1922 г.

За эти годы союзы сосредоточили в своих руках все дело нормирования заработной платы, превратившись в органы, облеченные в этой области почти законодательной властью. Но с февраля 1922 г. положение меняется. Теперь минимум заработной платы устанавливается государственными органами и союзы выступают, как сторона. Государственный минимум обязателен во всей стране, союзам же предоставляется путем коллективных договоров добиваться оплаты труда сверх минимума.

«Отныне мы выступаем, как участники в установлении заработной платы, добиваясь наиболее выгодной высоты заработной платы», говорил на февральском пленуме ВЦСПС член президиума ВЦСПС и наркомтруд Шмидт: «нам уже больше не придется выступать **в частных предприятиях** в роли **снижателей заработной платы** рабочих. А было ведь больше того: по требованию губпрофсоветов нам приходилось даже проводить **систему понижения заработной платы** и на некоторых государственных предприятиях, с переводом на коммерческие начала **получивших возможность повысить заработную плату»** («Труд» от 10 февраля).

Центр тяжести союзной работы переносится в сторону заключения тарифных договоров, ставки которых сначала еще очень близки к ставкам государственного минимума, но постепенно, особенно с конца лета, начинают все более подниматься над ним.

Правда, и сейчас еще заработная плата русского рабочего ужасающе низка, только в Петрограде с его исключительно высокой платой достигая для рабочих промышленных предприятий 12 — 13 довоенных рублей в месяц (вместо 30 — 40 рублей, которые в среднем зарабатывал петроградский рабочий до войны, «Труд» от 16 сентября), и опускаясь в провинции для работников транспорта, служащих советских учреждений и пр. нередко до голодного государственного минимума в 2 довоенных рубля и ниже (в месяц!). Так представитель союза совработников горько жаловался на 5-м Всероссийск. с'езде профсоюзов (конец сентября 1922 г.!), что заработная плата неиндустриальных работников дошла до 1 р. 74 к. в месяц («Бюллетень с'езда» № 2, стр. 32). И на том же с'езде раздавались протесты некоторых делегатов, обвинявших профцентры и в частности ВЦСПС в том, что они до сих пор не отказались от политики снижения заработной платы. Но такого рода факты становятся все менее часты и господствующая сейчас идея руководителей советской профессиональной политики была верно формулирована на том же с'езде Зиновьевым:

«**Медленное,** но прочное, **осторожное** систематическое улучшение жизни рабочего класса **в полной зависимости от поднятия нашего государственного хозяйства и промышленности»** («Бюл. с'езда» № 1, стр. 16).

Зиновьев делает ударение на словах «медленное», «осторожное» и «в полной зависимости» и т. д., и эти слова — и только они — набираются в «Бюллетене с'езда» жирным шрифтом. Здесь невольно сказалось, что центр тяжести этой политики не в улучшении положения рабочих, а в медленности и осторожности.

Вожди русских проф. союзов сознают невозможность дальнейшего проведения политики снижения заработной платы и капитулируют перед требованиями жизни, стремясь ценою этой капитуляции сохранить для себя возможность сдерживать стремление рабочих к повышению заработной платы. Политике снижения заработной платы, **как системе,** нанесен смертельный удар.

В деле заключения коллективных договоров наши союзы также лишь медленно освобождаются от бюрократических, анти-демократических навыков. В своей брошюре «Профсоюзы на новых путях» (март 1922 г.) Томский характеризует «практикуемую в настоящий момент систему заключения коллективных договоров», как систему, состоящую в том, что **«представитель союза и представитель заводоуправления с глазу на глаз, в тиши кабинета подписывают неведомый для рабочих коллективный договор»** (стр. 23). Правда, автор тут-же требует упразднения этой системы. Но проходит 5 месяцев и в своем докладе на Всероссийской конференции РКП Томский вынужден вновь отметить «чреватое опасными последствиями обстоятельство, что еще и поныне **коллективные договоры заключаются, разрабаты-**

ваются и подписываюшся без масс, без рабочих» («Вестник Труда», авг.-сент. 1922 г., стр. 10)

К каким роковым для рабочих последствиям приводит эта система, мы можем видеть из следующего сообщения астраханского корреспондента «Труда»:

> «**Из 45 коллективных договоров нет ни одного, удовлетворительно защищающего интересы рабочих.** Коллективные договоры грешат также незнанием местных условий. Последнее сказалось при генеральном договоре, заключенном ЦК пищевиков с Главрыбой. ГСПС вынужден был признать, что договор **«закабалил рабочих», заработная плата которых ниже государственного минимума».** («Труд» от 21-го сентября).

Но уже приходит с мест известия о начинающемся крушении этой «системы» и об устройстве широких рабочих собраний в связи с заключением коллективных договоров. Правда, в большинстве случаев это все лишь фальсификаты демократического обсуждения и заключения коллективных договоров; и характер и обстановка этих собраний в большинстве случаев не таковы, чтобы обеспечить деловое обсуждение в широких рабочих кругах вопросов, связанных с заключением коллективных договоров, и действительное выявление воли рабочих. Но вот уже намечается и действительно новая практика:

> «Машинтрест подписал с союзом металлистов новый коллективный договор. В работах согласительной комиссии следует отметить одно **нововведение: на всех заседаниях впервые принимали участие представители рабочих.** Через свои завкомы металлисты, стоящие у станков, все время держались в курсе всех деталей выработки нового коллективного договора». («Труд» от 20-го октября).

Наконец и в области с т а ч е ч н о й п о л и т и к и союзная бюрократия оказывается более не в силах последовательно проводить старую анти-стачечную политику: «в целях предупреждения неорганизованного течения конфликтов », в целях «овладения наростающим движением», союзная бюрократия и в этой заповедной области сдает одну позицию за другой, фактически и тут капитулируя перед потребностями массового движения*).

3.

Непосредственно после оглашения в печати цитированных выше январьских тезисов ЦК компартии в «Труде» была напечатана статья одного из руководителей организационной политики ВЦСПС, в которой автор настаивает на «необходимости максимальной демократизации методов работы и подхода к рабочей массе»:

> «Методы работы союзных органов в широкой рабочей массе характеризуются **в прошлый период в** направлении, главным образом, **информации масс о ходе работ союза. Теперь** же «основным условием правильного подхода следует считать работу союзов в области **выявления воли, настроения и желаний широких рабочих масс.** Учет этой воли путем **предварительного** обсуждения наиболее важных как общих союзных вопросов, так и текущих данного предприятия должен служить решающим фактором в деятельности союзов....
>
> «**Неуклонное проведение методов демократизма** обеспечит несомненный успех союзов, их влияние и авторитет и вместе с тем послужит лучшим связующим звеном между рабочей массой и ее выборными, руководящими органами» («Труд» от 26-го января).

Здесь правильно поставлен вопрос. Но «неуклонное проведение (в союзах) методов демократизма» немыслимо в обстановке полного отрицания начал демократии и политической свободы, до сих пор составляющего символ веры коммунистической власти. И мы видим, как почти сплошь коммунистическая союзная бюрократия упорно стремится и в новой обстановке проводить по существу старую политику. И уже не может. Жизнь властно стучится в двери профсоюзов, и рано или поздно рабочие массы отвоюют профсоюзы, превратят их в действительно живые, борющиеся классовые организации пролетариата.

До этого еще далеко, но это уже грядет. Мы видели, как была извращена у нас самая идея союзного членства. И достаточно было одного года работы в новой обстановке, чтобы банкротство попыток бюрократизации отношений между союзами и рабочей массой стало настолько очевидным, что его вынужден был признать и Всероссийский с'езд проф. союзов. Мы видели далее, как в союзной политике заработной платы лишь медленно изживаются старые навыки, явно враждебные интерессам рабочих. Но они изживаются. И в этой области и с организационной стороны — при заключении коллективных договоров — союзы вынуждены признать банкротство старых методов и необходимость перехода к «методам демократизма». Мы видели, наконец, что даже в вопросах стачечной политики, в которых коммунистическая бюрократия особенно упорна, почва начинает уходить у нее из под ног.

В этом намечающемся переходе русских профсоюзов к методам, обеспечивающим превращение профсоюзов в органы, выражающие волю рабочих, и сближающем их с боевыми пролетарскими классовыми организациями запада, наиболее характерная и значительная черта развития русского проф. движения за истекший год. Союзная бюрократия чувствует это и боится. Открывая от имени ВЦСПС 5-ый Всероссийский с'езд профсоюзов, Рудзутак в центре своей краткой речи поставил именно эту проблему:

> «Осложняется наша работа еще и тем, что вследствие восстановления сношений ряда государств с Советской Россией нашим проф. союзам придется тесно сталкиваться с проф. движением Западной Европы; это же последнее будет стремиться перенести в нашу страну, в наши союзы свое **разлагающее влияние.** И по поводу этой опасности 5-му с'езду придется сказать свое слово, мы должны противодействовать этому **разлагающему яду»** («Бюлл. с'езда № 1, стр. 1).

Да, «разлагающий яд» классового сознания, стремление к классовой самодеятельности, к формированию и осуществлению классовой воли пролетариата начинает проникать в русские профсоюзы. Никакие организационные и полицейские рогатки уже не могут этому помешать. Это развитие протекает очень медленно, пока российская экономика находится в теперешнем ужасающем состоянии развала; но оно неизбежно пойдет вперед быстрыми шагами, как только Россия начнет оправляться от состояния хозяйственного маразма. И не остановит этого процесса оздоровления и царящий в России режим бесправия и коммунистического произвола. Развивающееся рабочее движение, как верно отметил цитированный выше автор, «требует неуклонного проведения методов демократизма». Наталкиваясь на препятствия, чувствуя на себе цепи, которыми сковывает его режим бесправия, оно само становится могущественным фактором борьбы за политическую свободу, мобилизуя рабочий класс под знаменем демократии и социализма.

С. Шварц.

От старого к новому.*)

Новая платформа, совокупность непосредственных политических выводов из открывающегося н о в о г о периода в истории российской революции — встречает безспорно созревшую почву в идейной жизни партии. Мне приходилось уже указывать на н о в у ю идейную атмосферу в партии, которой характеризуются переживаемые д[illegible] и которая не похожа на настроения предыдущего периода. В этом смысле «новое слово» едва ли будет неожиданным для многих. Если потребность в повороте более или менее осознана к сегодняшнему дню широкими кругами партии, то тем более необходимо подвергнуть внимательному обсуждению корни партийной позиции и ее очередные лозунги. К обсуждаемым вопросам мне придется подойти с иной точки зрения, чем подходят к ним авторы двух статей о платформе (в №№ 41 и 42), и эта иная точка зрения связана с определенной оценкой т. называемой «линии Ц. К.». Т. Мартов и т. Дан в своих статьях изображают нынешнюю, или провозглашаемую позицию, как естественный результат мирной эволюции предыдущей позиции партии, и тем эту предыдущую позицию стремятся исторически оправдать. В интересах полного освещения поставленного вопроса (и отнюдь не в целях повторения старой полемики) нам необходимо немного оглянуться на это прошлое. Тут всетаки при всем желании «эволюции» видеть нельзя, тут — р а з р ы в. Затем — предыдущая позиция партии слишком з а д е р ж а л а с ь

*) См. «Соц.-пол. обозр.» в № 23/24 «Соц. Вест.» за 1922 г.

*) В порядке дискуссии о партийной платформе.

в жизни, и поэтому здесь нет достаточно своевременного поворота. Эти обстоятельства не могут не влиять на даваемое освещение и мотивировку отдельных черт новой платформы, и на самое тенденцию идейного процесса в партии. Следовательно, все это требует внимательного рассмотрения.

В эпоху гражданской войны была несомненно исторически обусловлена связанность политической оппозиционности социал-демократии, было вместе с тем правильно постоянное стремление Ц. К. об'единить партийную политику по линии, принимающей в рассчет революционную миссию и революционный характер власти, отвергающей вооруженную борьбу с сов. властью и всякого рода буржуазно-коалиционные тенденции. Но этими об'ективными и общего характера моментами, заложенными в исторической обстановке, отнюдь не были обусловлены (и не могут быть оправданы) те социально-политические концепции, которые получили свое законченное выражение в т. наз. «апрельских тезисах». Мы говорим о берущей в них начало теории о «рабочем государстве», о «переходном периоде» к социализму и «социалистическом строительстве» в России, наконец, о тактической теории, вытекающей из «совпадения» классового базиса нашего и власти. Вся совокупность этих воззрений не только усиливала за необходимые пределы упомянутую связанность политической оппозиционности партии, но и придавала всей позиции все более двусмысленный, запутанный характер. Эти черты позиции фиксировали и усиливали также то недовольство партийной линией, которое было характерным для ряда рабочих элементов социал-демократии. И если, как мне приходилось указывать в другом месте, партия возложенную на нее историей задачу, в протекший период российской революции выполнила, то проделала она это, несмотря на ряд ошибок в направлении своей позиции. Она могла эту задачу выполнить лучше. Если правильны были все политические оценки и тактические выводы, связанные в официальной позиции партии с признанием революционного характера власти и всей обстановки, то социальные положения «апрельского» и последующих документов представляли из себя непростительную капитуляцию перед фактом большевистского господства и находились чем дальше, тем во все более сильном противоречии с реальным характером обозначившегося внутреннего развития. В то время, когда стало очевидно, что социального властвования пролетариата в стране нет налицо, когда руки, захватившие было государственную машину в октябре 1917 г., явственно соскользнули вниз, и этот факт получал все более яркое отражение в решениях самих коммунистов начиная, с 9-го с'езда Р. К. П., в своих постановлениях об «единоличии» бессознательно или сознательно делавшего вывод из отсутствия рабочей поддержки «социалистическому строительству» и из невозможности вести далее хозяйственную, по существу капиталистическую работу силами рабочего класса; затем — в самом направлении террора против пролетариата и в прогрессирующем закабалении профессиональных организаций, в то время, повторяю, когда в жизни уже шел быстрыми шагами отрыв власти, родившейся в 1917 г. в стихийной коалиции крестьянских и части рабочих элементов страны, от пролетариата, и последний уже отнюдь не был господствующей группой в социальной политической действительности, в это время наша партия все более укреплялась на позиции, которая заключала в себе оценку власти, как «социалистической» (не только в партийном политическом смысле, но именно в смысле социальном), с задачами, определяемыми «переходным периодом». Уже началось «перерождение» власти (задолго до Нэпа)! Уже государственная машина определенно поворачивалась против пролетариата, — а партия продолжала (а, может быть, в этот момент как раз начала) твердить и об одном классовом базисе с властью, и рабочем государстве, и о том, как лучше ввести социализм в России. Во всех этих выступлениях партии имелась предпосылка, что в России как то, может быть, не целиком, но все же реально существует власть рабочего класса. В жизни уже развертывались глубокие противоречия, рабочий уже чувствовал на своей спине капиталистический дух советской промышленности, — партия не хотела этого видеть. И «независимость союзов» мотивировалась не жгучими моментами элементарной обороны наемного труда, а статистическими соображениями, связанными с тем же «переходным периодом»: крестьянство — в большинстве, меньшинству — пролетариату выгодно (на всякий случай) иметь свою организацию (в 1921 г. буквально тоже самое начал говорить Томский, продолжая стоять на почве «диктатуры пролетариата», также как наша партия придерживалась смежной теории о «рабоче-крестьянской» власти). Почти не вскрывая тех изменений и противоречий, которые очень остро уже чувствовала сама рабочая масса, партия говорила лишь об «ошибках власти»: если бы, мол, не было этих досадных ошибок, то укрепление социалистических элементов в хозяйстве и господство рабоче-крестьянской власти было бы обеспечено, и движение к социализму в обстановке «переходного периода» совершалось бы правильно и плодотворно. . . . Стоя на этой точке зрения, в частности наша делегация на 8-ом с'езде особенно удачно разыграла рол скромной и осторожной советчицы при рабоче-крестьянском правительстве. Эта утопия об идеальной рабоче-крестьянской демократии, которую портят ошибки неосторожных большевиков, все сильнее пропитывала психологию партийной позиции. Последняя становилась все более безпозвоночной, теряя силу социально-классового реализма. Она поэтому чем дальше, тем все больше отдавалась либеральным воплям об «ужасах террора», не вскрывая тех бесшумных, но определяющих социальных перемен, которые уже были в свое время на-лицо (в частности такой характер носила и речь т. Мартова на с'езде в Галле).

Эти заблуждения официальной партийной позиции проявили поразительную силу упорства. Автору этих строк вместе с покойным тов. И. С. Астровым пришлось зимой 1920—1921 г. г. выпустить документ, формулировавший нашу точку зрения на задачи партии. Его главным содержанием было доказательство того положения, что в России все более торжествуют собственнические буржуазные интересы и стихийно формируется государство собственников. Эту сейчас общепризнанную истину пришлось доказывать против официальной позиции, и эта сегодняшняя истина тогда считалась весьма большой «ересью». В течение всего 1921 г. всякое указание на то, что в России формируются капиталистические отношения, считалось слишком «грубым» и не соответствующим действительности (и во всяком случае не соответствующим «партийной линии»: позволялось говорить тогда, — уже после Нэпа! — только о капиталистических «тенденциях»). Рядом с этим упорным нежеланием видеть то, что есть, несомненно все более стиралась «демократия» в нашей платформе. В статье т. Дана имеется утверждение, что мы всегда стояли на почве демократической республики. Конечно, это не так. «Последовательная демократия» сначала передвинулась в придаточное предложение резолюций а затем исчезла. И все более начинало казаться, что «советскую систему» мы начинаем уже признавать не как «факт», а как «принцип». . . . Было правильным, что наша политическая линия в этот период приобрела характер борьбы за частичные требования, связанные с советской конкретной действительностью (это вытекало из разгрома демократических и пролетарских сил и из общей ситуации), но было несомненным пороком этой линии, что «демократическая республика» исчезла в ней в качестве необходимой перспективы. И этот факт, право, трудно сейчас затушевывать.

Все социальные концепции в партийной линии прожитого периода, о которых я упоминал, обосновывались международным положением, социалистической революцией на Западе. . . . Теперь же говорится просто: ход развития тогда был таким, а сейчас иной (реакция, оборонительное положение пролетариата). Но позвольте: разве партия может так просто говорить: вчера я думала так, а сегодня совсем наоборот. Правда, тактику можно менять в 24 часа. Но иногда эти «перемены» показывают ошибку в выводах или неспособность видеть все линии развития. И почему наша партия должна была вместе с Коминтерном проделывать всю кривую отступлений? Для нее как раз это было необязательно и она могла этого избежать. Совершенно правильной (в частности, и с точки зрения автора этих строк) является оценка начавшейся эпохи, как эпохи социальной революции; это обязывает к определенным и международным и внутренним выводам, но это отнюдь диалектически не может обязательно привести к тем положениям, которые составили содержание «апрельских» тезисов. Даже, если признать законным имевшийся оптимистический взгляд на темп социальной революции на Западе, непростительным было то нереальное представление о характере влияния социальной революции на отсталые сстраны, которое получило свое место в упомянутом документе. Мы не имеем возможности сейчас на этом подробно останавливаться. Вопрос заключается в том, что как бы велики и определенны ни были революционные моменты в деятельности и самом существе большевистской власти и как бы революционна ни была общая ситуация, большевистская власть не могла быть действительно властью социалистического рабочего класса в стране, не могла осуществлять (ни хорошо, ни плохо) социализма (даже в виде частичных элементов хозяйства) и вообще не имела вокруг себя в России обстановки «переходного периода» к социализму. Взяв первое, официальная позиция партии не приняла второго. И в общем правильно выведя политическую и тактическую линию партии из революционной обстановки, она снабдила ее дополнительным, крайне двусмысленным и неясным социальным материалом, под революционной фразой протаскивавшим фактически социальный реформизм и сотрудничество классов («власть трудящихся» и проч.) и притуплявшим классовую чистоту и демократическую определенность политики партии. Партия проявляла близорукость и все время отставала от хода развития политической обстановки. Часто она говорила новые слова чуть ли не позже коммунистов (в их

эволюции). И главное — она не выявляла всецело пролетарских интересов в их реальном положении.

Конечно, все упомянутые черты старой официальной позиции в течение последнего периода, еще до появления статей тт. Мартова и Дана, подверглись постепенным изменениям, но исподволь, от случая к случаю, (в отдельных статьях, в новых, повторяющихся в них определениях и проч.). Но вся позиция целиком так сильно задержалась в жизни, что это оказало невольное влияние на характер упомянутых в №№ 41 и 42 статей: новая платформа провозглашается с нарочитой резкостью и торжественностью. . . .

Но лучше поздно, чем никогда.

Итак, мы можем констатировать факт выпрямления идейной линии партии, но вне сколько нибудь последовательной «эволюции». И это последнее обстоятельство несколько усложняет положение. На почве отхода от прежней позиции, оказавшейся во многом неправильной, может появиться опасность слишком импульсивного движения. Необходимо в новой платформе сохранить и реализм и пропорциональность частей.

Партия имеет перед собой крайне сложную обстановку. Перед ней не только ослабление пролетариата и тяжелые пласты настроений разочарования, но и вся сумма противоречий, вынесенных из предыдущего революционного периода к сегодняшнему дню. В этих условиях партии приходится приступать к выполнению ответственной и большой задачи — заложить основы свободного рабочего движения в стране и защитить его интересы против новых социальных группировок, возникших на революционной почве. Борьба за демократию и политическую свободу сегодня, в конкретных социально-политических условиях Советской России 1922 г., составит существо задачи и миссии независимой пролетарской партии.

В указанной сложной и тяжелой обстановке приобретает особое значение вопрос о тех путях и методах, которыми партия осуществляет свою политическую задачу.

Остановимся прежде всего на выдвигаемом сейчас лозунге демократической республики. В статье т. Мартова мелькает не совсем —мне представляется — верное обоснование самой постановки сейчас этого лозунга. Дело ведь не в том, что ранее, в «революционный» период, можно было соглашаться на ограничение прав имущих классов, а теперь этого делать не нужно; дело в том, что защита собственных пролетарских интересов сегодня настоятельно требует этой формы сегодня. Неясность идеи демократии в официальной позиции и в предыдущий период составляла ее недостаток. Но, вообще говоря, потребность в широкой демократической форме государственной жизни не могла так резко чувствоваться вчера, в обстановке революционной войны и продолжающихся стихийных сдвигов в стране, при отсутствии тогда более или менее оформленных группировок в стране; сейчас при окружении пролетариата все более насыщенной атмосферой собственнических интересов, при резком повороте всего хозяйства страны на капиталистические рельсы, при постепенном выходе на арену истории формирующихся сил новой «демократической» капиталистической России, — дальнейшее пребывание политической жизни рабочего класса в советских куриальных рамках, даже при восстановлении «рабочих» свобод, ведет к тому, что пролетариат лишается всякой возможности видеть своих врагов на поприще политической борьбы, лишается возможности бороться с ними. Собственнические силы новой России, если и страдают при своем росте и формировании от отсутствия «политических и гражданских» прав, то, с другой стороны, в этом отсутствии общей политической арены они черпают великие возможности, так сказать, нелегальных методов укрепления своих общественных и экономических привилегий. Пролетариат живет с повязкой на глазах, он отгорожен от остального мира заборами производственной курии. Советы являются прекрасной формой боевой самодеятельности масс в момент революционного под'ема; они также могут быть необходимым дополнением, в качестве органов пролетарского сплочения, к системе всеобщего избирательного права. Сегодня же, в «капитализирующейся» России, при их исключительном положении и при их действительном содержании, при отсутствии других форм политической жизни, они становятся все более клеткой для пролетариата. Сегодня поэтому, так называемая «формальная демократия» приобретает черты реальной потребности, и эта потребность связана для партии, повторяю, не с изменением состояния имущих классов, а с жгучими интересами самого пролетариата в его новом положении.

Но как бороться за демократическую республику в данных условиях? Это очень серьезный вопрос и вопрос не только тактический. Здесь уместно указать, что при повороте нашей позиции необходимо избежать опасности ее упрощения, опасности потери ею революционного реализма. Наша текущая линия должна находиться под знаком учета, как факта ослабления пролетариата, так и революционной ситуации и сложного состояния в самом пролетариате. Вывод пролетарских рядов сегодня из под ударов банкротящейся системы, из под обломков былых иллюзий, из тьмы разочарования вперед на дорогу классовой борьбы — «стратегическая» задача исключительной трудности. Т. Дан справедливо высказывается за «реформистскую» тактику (хотя сам термин не совсем удачен). Присоединяясь к его аргументам, не буду здесь их повторять. Отсюда возникают все возражения против таких лозунгов, которые в своем существе заключают предпосылки «революционного свержения» или предполагают специфическое «революционизирование масс», проповедываемое «Зарей», в частности, возражение против лозунга Учредительного Собрания. Несомненно, партийная политика, направленная по этому лозунгу, как и всякому лозунгу, заключающему в себе указание на организационно-практический путь ликвидации данного режима, немедленно привела-бы к сплочению не тех сил, которые нужны партии, и в направлении, грозящем разойтись с поставленной целью (демократическая республика). Но было бы чрезвычайной ошибкой, еслиб и лозунг «демократической» республики» («замена» данного режима, как формулировано у т. Дана) сегодня был бы поставлен в качестве практического лозунга, лозунга непосредственной борьбы и прямой агитации. В таком виде он способен извратить необходимое направление нашей борьбы, сделать ее абстрактной, с'узить ее кадры. Он может и должен быть выдвинут партией, как перспектива, политически осмысливающая и оплодотворяющая борьбу за частичные требования, и как пропагандистское дополнение к текущим агитационным лозунгам. Это положение, в частности отмеченное в статье т. Дана, должно быть усвоено партией в целом. В открывающийся период наша борьба за демократию должна носить по необходимости «частичный» характер. Нужно упорной работой сначала создать кадры, приучающиеся бороться за свои демократические права. Нужно втянуть в эту борьбу не только недовольных пролетариев, но и тех, кто только сейчас пережил разочарование и отошел от коммунистов. И вообще ведь после величайшего разгрома демократической организованности в стране и крайнего ослабления пролетарских сил, работу сплочения этих сил в борьбе за политическую свободу приходится, так сказать, вновь начинать, и начинать в условиях распада экономического и политического, а этому естественно сопутствуют элементарные методы и необходимость лишь постепенного расширения агитационно-политического материала. Нельзя забывать и той обстановки, которая окружает пролетариат. На-лицо — изоляция пролетариата, его отрыв от промежуточных слоев. В частности, сейчас мы переживаем полное распадение в самой жизни былой (1917—1918) стихийной коалиции крестьянства и рабочего класса. Крестьянство погружено в процесс экономической самоорганизации; оно, выйдя из повстанческого состояния, сегодня до верху насыщено свежими собственническими настроениями и временно аполитично. Сегодня оно уже не понимает создавшегося в пролетариате положения, новая эксплуатация пролетариата для него пустой звук из другого мира, а тяжкая борьба против порабощения, которая стоит перед рабочими, для него уже чужда. . . . Этот беззвучный разрыв страшнее той войны между деревней и городом, которой характеризовался период «военного коммунизма». И тысячу раз неправ т. Мартов, когда в прошлом видит войну крестьянства против пролетариата, а сегодня — его примирение с ним. Этот ошибочный взгляд проистекает от пороков старой позиции: власть и пролетариат представляются почти идентичными понятиями. Сегодняшнее крестьянство, в его резком собственническом выявлении, гораздо дальше от городского рабочего класса, чем крестьянство эпохи гражданской войны, находившееся в процессе неоформленной и стихийной ломки; в то же время крестьянство и власть («перерождающаяся» социально) стали ближе друг к другу. . . .

Итак, «начинать» борьбу за демократию приходится сегодня с социально-узкого пространства, среди глубокого распада и разлива аполитических и реакционных настроений кругом. Завтра (и в очень скорое завтра) это будет иначе, сегодня это — так. Сложно не только внутри пролетариата, сложно и кругом его. Этим всем и определяется «частичный» характер борьбы за демократию (с одновременной пропагандой идеи демократической республики); этим определяются и возражения против прямой и упрощенной постановки задачи «замены» данной государственной системы иной, принципиально противоположной.

Возможно более широкие слои мы должны сплотить под знаменем демократии. На этом пути препятствием также стояла бы всякая примитивная оценка состояния господствующих ныне кругов, изображающая их в качестве «единой реакционной массы». Такая оценка угрожала бы поставить партию в такое положение по отношению к существующей власти, которое не соответствовало бы всей сложности революционых противоречий момента, и вместе с тем угрожало бы несомненно с'узить размеры необходимого сплочения сил внутри пролетариата. Коммунистическая партия превратилась в противоречивый и сложный конгломерат социальных сил. И как бы быстро ни шла «бонапартизация» большевистской власти и системы, как бы ни усиливались внутри ее капиталистические и милитаристские

слои, — в ней остаются те демократические и пролетарские элементы, которые скинуть со счетов мы не можем. И чем меньше шансов на демократический исход, тем определеннее мы должны создавать для этих элементов возможность возвращения к революционно-классовой платформе свободного рабочего движения и тем содействовать целям максимально-широкого сплочения пролетарских сил. Эта задача, конечно, не может связывать оппозиционной нашей линии, ее классовой и политической независимости; она должна соответствующим образом лишь влиять на характер нашей агитации и пропаганды, которая частично должна иметь в виду и указанные слои.

Учет этого сложного материала действительности обязателен для нашей партии.

Итак, политика партии в создавшейся обстановке должна быть ориентирована на постепенное и последовательное сплочение пролетарских сил под частичными лозунгами демократических прав и политических свобод, об'единенным перспективной идеей демократической республики.

Для этой задачи партия должна обладать ясностью своей платформы. Определенность, незатушеванность демократической идеи и четкость независимой классово-пролетарской позиции — составляют необходимые элементы такой платформы. Сегодня они приобретаются поворотом партийной позиции, содержанием «новой платформы». Но делаясь отчетливой и вновь возвращаясь к классовой самостоятельности, партийная позиция должна во что бы то ни стало избежать того, что так возможно в логике поворота — упрощения, которое поведет к извращению основных целей партии.

Сложность и противоречивость ситуации, создавшейся к 6-му году нашей революции, требует от партии не только ясных лозунгов, но и гибкой тактики, соответствующей и мере сил пролетариата и учету всех внутренних и международных факторов развития.

Высвобождая свою оппозиционность от пут прошедшего периода, партия должна ее вести в фарватере реальной крайне сложной обстановки открывающегося периода. Неслыханно тяжелы условия сегодняшнего дня и исключительно трудна задача, врученная историей нашей партии.

Все эти моменты приобретают серьезнейшее значение при проведении в жизнь «новой платформы». Думаю, что обсуждение вопроса под этим углом зрения небесполезен для задач текущего дня и для целей сплочения партии.

Г. Кучин (Оранский).

К об'единению Интернационалов.

6-го декабря во Франкфурте состоялось заседание Исполнительного Комитета Междунар. Союза Соц. П., созванное секретарем Фр. Адлером для обсуждения вопросов, связанных с «Конгресом Мира» в Гааге и предпринятыми II Интерн. шагами для об'единения с Венск. Интернационалом.

На заседание явились: Фр. Адлер (Австрия), Уолхэд (Англия), Брак (Франция), Чермак (Чехо-Слов.), Кунфи (Венгрия), Абрамович (Россия, Р. С.-Д. Р. П.), А. Шрейдер (Россия Лев. с.-р.). Байкал (Литва, л. с.-р.), кроме того: Ледебур (от той части герм. независ., которые не вошли в об'ед. партию), Криспин и Гильфердинг от независимых, вошедших в партию).

В порядке дня заседания, помимо ряда организационных вопросов, стоят след. вопросы: 1) Доклад герм. представителей об об'единении в Германии; 2) отношение к предложению II Интерн.; 3) Конгресс в Гааге.

По первому вопросу Исполком ограничился заслушанием доклада Криспина и содоклада Ледебура, и решил, не принимая никаких резолюций, перейти к обсуждению п. 2-го, исходя из того, что то или иное решение по п. 2, как более общему, предопределяет и отношение к п. 1.

Адлер доложил письмо секретаря II-го Интерн., в котором тот сообщает о готовности Исполкома II Инт. вступить в переговоры с Венским Исполкомом относительно об'единения и запрашивает о намерениях Вены.

В открывшихся дебатах наметились два основные течения: одно, представленное Ледебуром, и обоими левыми эсэрами, отвергало всякую мысль об "одностороннем" сближении с II, и предлагало вновь, как в апреле, обратиться ко всем трем Интернац. с предложением о совместном созыве всеобщего конгресса. Второе течение, обнимавшее всех остальных членов Исполкома, исходило из того, что берлинский опыт и вся большевистская практика с апреля выяснили полную безнадежность, — по крайней мере на ближайшую эпоху, — всяких попыток, образовать действительный «единый фронт» с коммунистами, и что, поэтому, принимая, во внимание общее состояние мирового рабочего движения, партиям Вены нельзя отказываться от того максимального, хотя бы и частичного об'единения, которое является в настоящий момент достижимым. Эта позиция и была после оживленных прений принята большинством (против трех).

Но в среде этого большинства были существенные разногласия по вопросу о методах и путях этого об'единения.

Позиция Р. С.-Д. Р. П., выраженная во внесенной т. Абрамовичем резолюции, сводилась к образованию общего «Комитета действия» со II Инт., в целях организации совместной борьбы, которая одна только может создать реальные предпосылки для об'единения в будущем, в то же время должна сохранить свое самостоятельное организационное существование, чтобы, как сплоченное целое, действовать внутри общего «блока». Это предложение было отвергнуто, и было постановлено вступить в соглашение со II Инт. для созыва общего конгресса всех соц. партий, имеющего целью создать единый Интернационал.

Тогда т. Абрамовичем, от имени делегации Р. С.-Д. Р. П., была внесена резолюция, предлагающая поставить для об'единения след. минимальные условия: 1) партии, входящие в создаваемый Интернационал, обязуются признавать его высшей инстанцией в международных (и межнациональных) конфликтах, и подчиняться его решениям; 2) Интернац. действует не только в мирное время, но и во время войны.

Участники совещания, соглашаясь с этими положениями по существу, высказались однако против постановки каких-либо ультимативных условий, исходя из того, что имеется ряд других принципиальных вопросов, и что результат переговоров со II Инт. будет зависеть не от ультиматумов, а от реального соотношения сил. При голосовании предложение нашей партии было отвергнуто.

По п. 3 (отношение к Гаагскому конгрессу) выяснились две разл. точки зрения. Все участники совещания сходились на том, что конгресс организован в высокой степени неудовлетворительно, что излишне было приглашать буржуазных пацифистов, что устроители слишком выдвинули на первое место роль професс. организаций в противовес соц. партиям, и т. д. Но в то время, как одни (Ледебур и его два сторонника) делали из этого вывод, что конгресс надо бойкотировать, другие 7 ч. полагали, что, несмотря на все свои недостатки, конгресс этот является представительством европейского пролетариата, и что партиям Вены не следует его игнорировать. Было постановлено, — предоставить всем партиям М. С. С. П. свободу посылки делегатов на конгресс, а от бюро делегировать т. Адлера, в качестве офиц. представителя Венского об'единения.

В связи с этим было решено на ведение переговоров со II Инт. в Гааге уполномочить всех членов Исполкома, едущих в Гаагу. Таких оказалось 7 (Адлер, Криспиен, Брак, Уолхед, Абрамович, Кунфи, Чермак). Поручено было Адлеру о решении по п. 2 довести письмом до сведения Исполкома II Интерн.

10-го декабря вечером в Гааге состоялась встреча 7 делегатов Венского об'единения с собравшимися в Гааге членами Исполкома II Инт. Из последних присутствовали: Том Шоу, Гендерсон, Макдональд (Англия), Вельс (Германия), Вандервельде, Вотерс, Де-Брукер (Бельгия), Стаунинг, Андерсен (Дания), Энгберг (Швеция),Трульстра, Вибаум, Анкерсмит (Голландия) и др.

После взаимного обмена информацией относительно состоявшихся в каждом Интернац. решений, начались прения по вопросу о тех практических шагах, которые следует предпринять для проведения в жизнь общего обеим частям стремления достигнуть максимально-возможного единства.

Шоу, Гендерсон, Вельс, Вандервельде и Макдональд настаивали на немедленном (через несколько недель) созыве общего об'единительного конгресса, в виду повелительной потребности в единстве, диктуемой всем положением пролетариата.

Адлер, Абрамович и Уолхед указывали с одной стороны на необходимость подготовки конгресса, что потребует месяцев, с другой стороны — на важность предварительной выработки базиса соглашения; степень успешности этой работы определит и срок созыва конгресса. Необходимое же до созыва конгресса единство действий сможет быть осуществлено созданием общего «комитета действий».

В результате было принято следующее постановление:

«Собравшиеся 10 декабря 1922 г. в Гааге представители Венского и Лондонского Интернационалов выражают свое общее желание предпринять шаги для об'единения социалистической борьбы и организации. Они постановляют образовать общий комитет действия, состоящий из восьми членов и обоих секретарей, главною задачею которого будет возможно более скорый созыв международного социалистического конгресса и подготовка проектов резолюций для него». —

В комитет делегированы: Брак (Франция), Уолхэд (Англия), Абрамович (Россия), Криспин (Германия) и Фридрих Адлер (Австрия) в качестве представителей

Венского об'единения: Вандервельде (Бельгия), Отто Вельс (Германия), Гендерсон (Англия), Стаунинг (Дания) и Том Шоу (Англия) в качестве секретаря Второго Интернационала.

11-го и 12-го состоялись заседания «10-ки», посвященные вопросу о подготовке конгресса, условиях допущения, характере базиса, который должен быть положен в основу Интернационала и т. п. Решено: конгресс созвать 20-го мая в Гамбурге. Поручить обоим секретарям, на основании материала, данного дебатами, разработать к след. заседанию проект тезисов, которые должны быть предложены с'езду. След. заседание 10-ки устроить 5—6 января в Кельне.

7-го января в Кельне же должно состояться заседание Исполкома Венского Интернационала для заслушания доклада венских 5 членов 10-ки.

Гаагский конгресс.

Конгресс этот, созванный Амстердамским Профессиональным Интернационалом, состоялся в Гааге 10—15-го декабря. В нем приняло участие около 600 делегатов различных организаций, считающих борьбу против войны одной из своих главных задач. Помимо рабочих организаций (профсоюзов, соц. партий и кооперативов) всех оттенков, начиная с голл. коммунистов, русских большевиков и немецких анархистов-синдикалистов (Arbeiter-Union) и кончая английской и канадской Рабочей Партией, на зов инициаторов отозвались и все пацифистские организации Европы: английский «союз демократического контроля», «общество мира», «Международн. женское об-во мира и свободы», «Лига прав человека», некоторые масонские ложи Испании, Франции и Германии, и даже «христианские противники войны» Великобритании. В качестве «слушателей» присутствовали представитель «Лиги Наций», «Межпарламентского Союза» и «Междун. Бюро Труда».

Благодаря этому, на конгрессе можно было увидеть не только почти всех сколько-нибудь известных вождей рабочего движения в Европе, но и всю ту радикальную интеллигенцию, имена которой связаны с «неприятием войны»: рядом с Макдональдом, Ф. Адлером, Том Шоу, Гендерсоном, Бен-Тиллетом, Вильямсом, Сидней Веббом, Ренодалем, Л. Блюмом, Жуо, Дюмуленом, Вандервельде, Гюисмансом, Ансееле, Трульстрой, Стаунингом, Дарагоной, Лейпартом, Криспином и Вельсом виднелись такие фигуры, как П. Лауренс, Джен Адамс, проф. Брода, проф. Квидде, граф Кесслер, фон Герлах, проф. Отто и др.

Россия была представлена с одной стороны 6-ками (Радек, Лозовский, Ротштейн, Мещеряков, Коллонтай), с другой — делегатом нашей партии, т. Р. Абрамовичем; от грузинской с.-д. были т. И. Церетелли и Н. Рамишвили, от латвийских профсоюзов — т. Мориц, от финляндской с.-д. п. — т. Свенторжецкий.

Порядок дня, предложенный инициаторами и принятый конгрессом, гласил:

Об'единение всех сил, борющихся за мир, на основе Римской резолюции профсоюзов (докладчик Жуо).

Задачи рабочих организаций в борьбе против войны (докладчик Фиммен).

Политика правительств и политических партий в деле предотвращения войны (докладчик Гендерсон).

Воспитание подростающего поколения в духе мира (проф. Бюиссон, Париж).

Пациф. организации и их задачи в движении против войны (проф. Квидде, Мюнхен).

Оживленная дискуссия, последовавшая за докладами, очень скоро отклонилась в сторону, благодаря выступлению большевиков (Лозовский и Радек) с предложением о создании «единого фронта».

Задача борьбы с империализмом так трудна и велика, — заявил Лозовский, — что она неосуществима без сплочения всех наличных сил пролетариата. Мы, потому, в интересах общего пролетарского дела предлагаем вам создать «единый фронт» с нами. Вы пригласили к себе буржуазных пацифистов, неужели вы откажетесь от единения с инакомыслящими членами вашего же класса? —

Мы пришли сюда, — сказал Радек, — потому что здесь собрался рабочий класс Европы. Мы не хотим от вас ничего для себя, для России, в чем многие нас подозревают. Мы не ждем и не боимся нападений на Россию; у нас есть армия, которую мы не распустим. Но мы пришли сюда, чтобы помочь вам, всему рабочему классу. Мы хотим забыть все ваши грехи и все разногласия ради общего дела. Мы протягиваем вам свою братскую руку. Возьмите ее, и построим совместными усилиями железную стену пролетариата против буржуазии. —

Вслед за Радеком Ротштейн в 14 пунктах сформулировал требования большевиков, необходимые для осуществления единого фронта против милитаризма: (отказ от коалиции с буржуазными партиями; создание нелегальных революционных организаций в армии; образование общего «комитета действий» с Коминтерном и Профинтерном и т. д.).

На конгрессе после опыта последнего года, ни у кого не было сомнений в том, что предложение большевиков является маневром, продиктованным стремлением «использовать» конгресс для выведения европейских коммунистов из состояния изолированности, в которое они попали, — и сделанным для того, чтобы, получив несомненный для них отказ, построить на нем демагогическую агитацию.

На это и на все грехи коммунистов в прошлом и настоящем по отношению к европейскому рабочему движению и русским социалистам указывали все выступавшие ораторы: Дюмулен (лидер левого крыла французских синдикатов), Жуо, Вандервельде, Томас, Фиммен, Вельс и др. Особую позицию занял наш делегат, т. Абрамович, который, охарактеризовав все те опасные тенденции, которые вырастают в России под покровом «коммунизма» и иллюстрировав их на примере Грузии и террора против социалистов, предложил большевикам доказать искренность своих намерений в деле «единого фронта» отказом от системы террора. «Единый фронт должен и может начаться только в России». (Ниже мы приводим речь т. Абрамовича несколько подробнее). —

По существу вопросов, затронутых в докладах, дискуссия не могла разгореться в пленуме, благодаря указанному отклонению в сторону полемики с большевизмом и коммунизмом. Это, естественно, ослабило впечатление, произведенное с'ездом во вне. Буржуазная печать всего мира с удовлетворением отметила, что рабочие представители больше всего заняты своей внутренней борьбой. С'езд сознавал опасность такого уклона, и председатель Томас неоднократно старался направить русло дебатов в другую сторону, но это ему с трудом удалось: слишком уж жгуч был поднятый большевиками вопрос, и слишком уж велика была потребность вывести на свежую воду все лицемерие коммунистической политики «единого фронта». —

Значительно содержательнее была дискуссия в комиссии — с'езд избрал 60-членную комиссию, которая распалась на 4 под-комиссии. Главный интерес сосредоточился на подкомиссиях «профессиональной» (резол. Фиммена) и «политической» (резол. Гендерсона).

В «профессиональной» под-комиссии разыгрался спор между б. независимыми Диссманом и Еленой Штекер, с одной стороны, и Жуо и бельгийцами — с другой, — по вопросу о различении между «оборонительной» и «наступательной» войной. Дело закончилось тем, что в окончательной резолюции спорный абзац был сформулирован так, что для этого различения места не осталось.

В «политической» под-комиссии (в которую входил Радек, не принимавший участия в обсуждении) спор велся между «венцами» (Абрамович, Криспин, Брак) и «правыми» (Шоу, Трульстра) по вопросу о лозунгах, под которыми должна вестись борьба против милитаризма и империализма. В то время, как «венцы» настаивали на подчеркивании социализма, как единственного выхода, и на скептицизме по отношению к возможности демократического преобразования «Лиги Наций», правые хотели выдвинуть идею «использования» Лиги Наций, как позиции, на которой пролетариат может закрепиться. Резолюция была принята компромиссная.

— Пленум конгресса, состоявшийся 15 декабря, единогласно (против голосов 6-ков) принял предложенные подкомиссиями резолюции без изменений. И лишь 6-ки воспользовались своим правом «меньшинства» в комиссиях, чтобы снова развязать небольшую дискуссию на старую тему и по возможности испортить впечатление от заключительного заседания конгресса.

С'езд закрылся, как и открылся, пением «Интернационала» и возгласами в честь международного социализма.

* * *

Речь т. Абрамовича. Когда председатель после речи Ротштейна заявил, что дает слово представителю другого течения в России, Ротштейн крикнул с места: «Кого Абрамович представляет»?

Председатель: «Это Ротштейн проще всего может узнать из печатного списка делегатов, который у него в руках. Но меньше всего ему подобает задавать подобные вопросы, ибо он вчера еще просил меня дать ему слово после Абрамовича. Повидимому, он хорошо знает, кто такой Абрамович (Общий смех)».

Абрамович: «Я говорю здесь от имени Р. С.-Д. Р. П. Мы считали бы сегодняшний день исторической датой и приветствовали бы его, как поворотный пункт в истории мирового рабочего движения, еслиб б-ки сделали свое предложение о «едином фронте» год тому назад, когда мы не имели еще печального опыта берлинской конференции 3-х Интернационалов и всего того что за нею последовало: процесс с.-р., террор против рабочих и нашей партии, и т. п.

Но теперь, когда мы все это пережили, мы вправе поставить вопрос: какие волчьи мысли скрывает Радек под своей личиной невинного, агнца? Для какого партийного маневра он желает использовать тягу европейского пролетариата к единству?

Желает ли он в самом деле построить «железную стену» или он тоже говорит так, чтобы тем вернее подрыть и разрушить то, увы! далеко — еще не железное здание пролетарской организации, которое вы все с таким трудом построили?

Чтобы выяснить пред вами все лицемерие коммунистического жеста с «протянутой братской рукой», позвольте мне проанализировать практику русских б-ков не слова, а дела этих неоспоримых вождей мирового коммунизма».

Обрисовав в коротких чертах крах большевистской попытки построить в России коммунистический строй, оратор характеризует создавшийся в результате этого социальный и политический строй: возрождение капитализма под покровом «коммунистической» оболочки, создание террористической диктатуры партии, густо облепленной авантюристскими и карьеристскими-элементами, бесправие рабочего класса, беспощадное истребление социалистов.

«Мы имеем в России абсолютное полицейское государство, какого не знала еще Европа. И так как его социальное содержание становится все более и более капиталистическим, то внутри большевистского режима происходит наростание чрезвычайно опасных тенденций».

Оратор указывает на рост «красного милитаризма» со все усиливающейся национальной окраской, на новый декрет о введении постоянной армии и всеобщей воинской повинности.

Что эти тенденции начинают проявляться и в жизни, доказывает пример Грузии. При громких криках негодования всего конгресса, оратор описывает нападение на Грузию, приводит цитаты из доклада Махарадзе и заявление Радека на берлинской конференции о «нефтяном коммунизме», подтверждающее, что занимая Грузию, б-ки «гнались не за голубым цветком утопии, а за зловонной нефтью».

«Так перерождается большевистский режим в России. А русское правительство ведь есть и высший орган мирового коммунизма. Можно ли после этого серьезно отнестись к б-кому предложению об едином фронте? Чтобы измерить всю неискренность их заявлений, достаточно поставить им лишь один вопрос: предлатаете ли Вы единый фронт и для России?! Единый фронт жертвы и палача, узника и тюремщика?

В пунктах Ротштейна говорится о «свободе агитации» внутри единых профсоюзов. Имеете ли вы в виду и ту «свободу», которую вы даете нашим профессионалистам в России, которые вы дали, напр., печатникам, разогнав их союз силой оружия, и посадив лидеров на годы в тюрьму? Или ту свободу, которую вы даете грузинским и русским профессионалистам, высылая их сотнями в Туркестан или заграницу? Или ту «свободу» печати и слова, которую вы даете социалистам в России?

Вы предлагаете нам здесь единый фронт?! Хорошо! Мы готовы и теперь забыть всю кровь, пролитую вами, все ваши преступления и ошибки, и взять вашу протянутую руку. Но мы ставим условий не 14, как предложил ваш Ротштейн, этот Вильсон номер 2-ой, а всего лишь одно: дайте в своем коммунистическом государстве рабочему классу в России хоть ту свободу, которой он пользуется в капиталистических странах Европы!

Вы предлагаете нам «единый фронт»?! Хорошо! Но знайте, что единый фронт, как, у англичан благотворительность, должен «начаться дома», в России!»

Речь т. Абрамовича выслушивается с напряженным вниманием и сплошь прерывается бурными аплодисментами. По окончании его речи конгресс встает как один человек и устраивает представителю русских социал-демократов продолжительную овацию. —

В отчетах прессы речь т. Абрамовича отмечается: как самое большое поражение для б-ков.

Б-ки сидели во время этой речи, как в воду опущенные, не делая даже, как обычно, попыток кричать с места и не ответив ни слова на обвинения Абрамовича в своих последующих речах. Любопытно, что несмотря на официальное опровержение тайного доклада Махарадзе и на частные замечания Радека в кулуарах о «подложности» этого доклада, большевистские представители ни разу не осмелились публично заявить на конгрессе (хотя имели полную возможность это сделать), что документ, который Абрамович цитировал, подложный. Тем самым они косвенно признали его аутентичность.

ПО РОССИИ.

Москва. Злобы дня.

Рубль скачет необычайно быстро. Жизнь широких масс в городе вступает снова после летней передышки в тяжелую полосу. Налоги. — От них ворчание и стон идет кругом. Вопросы налоговой и бюджетной политики государства становятся злобой дня. — Торговая жизнь переживает по прежнему депрессию. „Чистка" трестов и посреднического аппарата все еще, в качестве навязчивой идеи, властвует над сознанием господствующих кругов. „Левые" напирают. А из боязни подвергнуться новым нападениям „посредники" начинают „бастовать".

Кругом, с другой стороны, растет нужда и нищета. В эти дни был сбор на школу. А вместе с тем в этом нищем государстве дается грандиозный ужин для Коминтерна: в Доме Союзов на 2½ тысячи человек (с „ответственными" русскими гостями, кроме членов Конгресса), 300 оффициантов, концерт артистов Большего театра (Большому театру заплачено 300 миллиардов за отмену спектакля в этот вечер).

Москва. Подготовка выборов в Совет.

Председатель МСНХ разослал всем председателям трестов секретный циркуляр, которым предписывается в виду перевыборов в московский Совет срочно ликвидировать задолженность рабочим.

Москва. Ссылка.

Отправлена в ссылку т. Л. Е. Абрамович.

Москва. Ищут шрифт.

Снова произведено несколько обысков. Агенты Г. П. У. посетили несколько типографий и рассматривали шрифт. Г. П. У., повидимому, очень обеспокоено распространением в Москве отпечатанной типографским способом листовки Ц. К. Р. С. Д. Р. П. по поводу выборов.

Москва. Борьба трестов за „автономию".

История с пресловутым детищем Гольцмана — Советом с'ездов промышленности и транспорта — продолжается. После решения В. С. Н. Х., что автономной организации не должно быть, и что бюро, представляющее тресты, должно существовать внутри В. С. Н. Х. при президиуме в качестве совещательного органа, — вопрос, под давлением Гольцмана и Смилги, снова стал в прежнюю плоскость. Гольцман и Ко. считают себя педставителями „промышленной корпорации" чистой крови, долженствующей защищать свои интересы от „государства" (чем отличается бюрократ Гольцман от бюрократа Богданова, конечно, неизвестно). Началась подготовка специального с'езда промышленности и транспорта. Гольцмана поддерживает Ц. К. металлистов в полном составе. Пресловутый вопрос встал на с'езде металлопромышленности. Было созвано специальное совещание комм. фракции с'езда. После горячих прений большинство высказалось против „автономных" тенденций Гольцмана. Подождем, что будет дальше.

Петроград. Обыски и аресты.

Произведены вновь массовые обыски и аресты. Среди арестованных — старый питерский рабочий Ф. Юдин.

Туркестан Снятие с работ ссыльных.

В местах ссылки, повидимому, решили поставить ссыльных с.-д. на грань физического умирания. В Туркестане ряд товарищей снят с работ. В Семипалатинске т. Н. Трейгер (чл. Одесской группы с.-д. союза молодежи) снят с работы и лишен пособия.

В уездном захолустьи.

Вся здешняя «литература» состоит из приказов и распоряжений местного начальства, подчас имеющих вполне щедринский характер. Вот, напр., выписка из приказов начальника милиции: «В виду участившейся беси (!) собак и наступившего периода стихийной (!) беси собак вообще... предлагаю секции охотников всех проэдношатающихся (!) собак и кошек расстреливать на месте (!)». И т. д. в этом же духе на целом листе.

В местной библиотеке произведено из'ятие книг «контр-революционного содержания». Из'ятие производил военполитцензор Ильин, экспертом был местный представитель полит. просвета Петухов. Подверглись из'ятию все богословские книги, «История Государства Российского» Карамзина, «История России» Соловьева, все сочинения Чупрова и Тугана-Барановского, «Рассказы из русской истории» Шишко и другие издания, на которых значится крамольный лозунг «В борьбе обретешь ты право свое», книжка Лафарга «Чего хотят социалдемократы» и т. д. и т. д. Попала под из'ятие даже книга большевика В. Невского «Уроки революции 48-го года»! Все конфискованные книги были аккуратно сложены «по отделам» в помещении Политбюро, а над ними красовалась надпись: «Книги сложены в порядке, прошу не трогать, а то буду бить по зубам!» и надпись: «военполитцензор Ильин». На вопрос ссыльной с.-д. молодежи о причине из'ятия этих книг из библиотек, зам. уполномоченного Валовский, с одобрения члена коллегии Орловского Г. П. У., раз'яснил: «если вы ими интересуетесь, приходите читать к нам, а обыватели и крестьяне все равно не будут читать».

За вывешивание об'явления о частных уроках без разрешения наробраза 4 товарища просидели в местной тюрьме 5 суток в кошмарных условиях, в грязной, вонючей камере, без пищи — пайка в тюрьме вообще нет: питайся, кто чем может. После освобождения частные уроки давать было запрещено из опасения «с'агитирования» учеников. Только через 2 месяца прибыл член президиума Губотдела Г. П. У для «расследования дела» и, признав, что местная власть поступила неправильно, разрешила заниматься... с детьми до лет 12! Но наробраз запретил и это под предлогом, что мы не состоим членами профсоюза (это — при «добровольном» членстве!). В союз же нас принять отказались под предлогом, что «ссыльные не могут быть членами союза».

В местной тюрьме избиение уголовных перед допросом вошло в правило: «так скорее сознается»! Взяточничество судей также стало заурядным явлением. За ведро самогонки богатеи откупаются от тюрьмы, беднота же отслуживает весь срок сполна.

В заключение — курьез. В местном политбюро под портретом Маркса висит надпись, взятая в кавычки: «Тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян». Это что, цитата из Маркса? — спрашиваем у уполномоченного. Помявшись, уполномоченный нерешительно отвечает: «да»!

Х.

Оренбург. Политическая ссылка.

После нескольких лет перерыва вновь быстрым и энергичным темпом насаждается политическая ссылка. За короткий срок в 3—4 месяца в киргизский край свезено свыше 60 чел. ссыльных. Везут всех и отовсюду: меньшевиков, эсеров, анархистов, беспартийных, кадетов, коммунистов, врачей, рабочих, кооператоров, церковников.

Положение ссыльных тяжелое. Каждого вновь прибывшего Г. П. У. считает долгом выдержать несколько дней в подвале, прежд чем выпустить в город; введена обязательная явка 2 раза в неделю на регистрацию в комендатуру; выдача денежного пособия (жалкие 10 милл. руб. в месяц) задерживается; практикуются ежемесячные обыски; письма либо совсем пропадают, либо задерживаются подолгу. Напуганные обыватели отказываются пускать ссылных к себе на квартиры. Служба в советских учреждениях дает гроши, да и доступна немногим ссыльным, преимущественно врачам. Большинство перебивается рукоделием, изготовлением игрушек, пилкою дров и всякого рода случайной работой.

Тяжесть положения усугубляется высылкой многих товарищей из городов в глухие села и станицы. Так, из Оренбурга высланы: Н. И. Чирьев (меньш.) из Петр. рабочий металлическ. зав. на 1 год в хутор Крючков Михайловск. волости, И. А. Кочергин (беспартийный) — из Петр., рабочий металлич. зав. на 1 год в станицу Каменноозерную; Г. Н. Филиппов (бесп.) из Петр., рабочий металлич. зав. на 1 год в станицу Пречистенскую; Н. Н. Ермолаев (с.-р.) кооператор из Петр., на 1 год, в село Петровское; просидел в тюрьмах при сов. власти около 3 лет, болен туберкулезом горла; П. Н. Колобушкин (анарх.) из Петр., на 3 года, в стан. Краснохолмскую, отбыл 8 л. каторги при царизме; Г. С. Дмитриев (анарх.) из Петр., на 3 года, в ст. Краснохолмскую, при царизме отбыл 8 лет каторги.

В городах Киркрая находятся: в Уральске — Абрамович (меньш.), из Петр.. на 2 года; Савин (меньш.), из Петр., на 2 года.

В Семипалатинске — Самойлов (бесп.) рабочий с фабрики Шапшал в Петр., на 1 год; Иванов (меньш.), учитель, из Петр., на 2 года; Мозалевский — Зарницын (с.-р.), из Петр., на 2 года; Трейгер (меньш.), из Одессы, на 1 год.

В Кокчетаве — Османьян (анарх.), студент медик, из Москвы, на 2 года.

В Оренбурге: Н. А. Александров (быв. коммунист), В. М. Марусин (быв. коммунист), В. М. Баулин (быв. коммун.), М. А. Кораблев (беспарт.), Давыдов (беспарт.), Петр Спириндиш (быв. коммунист), все рабочие из Петр., четверо с завода военно-врачебных заготовлений, Баулин — с водопроводной станции, Спириндиш — с ниточной мануфактуры, на 1 год за экономическую забастовку. П. И. Евдокимов (н. с.), кооператор, из Петр., на 1 год; М. И. Мандельштам, Ю. А. Брауде, Б. Н. Перетц, Софья Львовна Дейч, Л. Л. Кимбер, все меньш. из Петр., на 2 года, кроме последнего, получившего 3 года; Л. М. Горовиц-Власова, женщ.-врач, из Петр., на 2 года, по делу всероссийского с'езда врачей.

Из Москвичей в Оренбурге находятся Ю. М. Зубелевич (Даша Кронштадская), с.-р., на 2 года; Д. Г. Либерова, за содействие, с.-р., на 2 года; А. П. Евдокимова, за содействие с.-р., на 1 год; А. П. Волкова, с.-р., на 2 года; Е. Я. Богорад, с.-р., на 2 года; К. М. Поночевская, за содействие с.-р., на 2 года; М. Д. Шеенсон, за содействие с.-р., на 2 года; Б. Н. Гутерман (меньш.), на 1 год; д-р Л. Б. Грановский (меньш.), по делу врачебного с'езда, на 2 года; Н Д. Думко (меньш.), инженер, на 1 год; д-р Г. В рховский (меньш.) по делу врачебного с'езда, на 2 года; врачи К. Ф. Станкевич и Н. П. Гуревич (к.-д.), по делу врачебн. с'зэда — 2 года; В. Н. Каплан (с.-р.), из Одессы, на 2 года; Л. М. Глотцер (с.-р.) из СПБ, на 2 года; И. О. Фрумин, врач, с.-р., из Киева, по делу с'езда врачей, на 3 гола; С. И. Израильсон, врач, из Орла, по делу с'езд врачей, на 2 года. Кроме того, находятся в Оренбурге чел. 10 церковников, держащихся, как и некоторые из врачей (Горовиц-Власова, Гуревич, и друг.) в стороне от колонии.

Рабочая жизнь.

Москва. 1-й Государственный завод Геофизика (б. Швабе)

В первых числах ноября администрация уволила двух рабочих. Мотив увольнения — возбуждение рабочих и восстановление их против заводских порядков, что приводит к понижению производительности на заводе.

К удивлению администрации рабочие на сей раз выказали солидарность с уволенными и потребовали обратного их приема. Администрация ответила отказом. Тогда рабочие в полном составе (около 300 человек), за исключением одного коммуниста (на заводе всего два коммуниста: рабочий и директор), об явили забастовку.

Администрация вывесила об'явление о рассчете всех рабочих и наборе новых.

После 5 дневной стачки, имея против себя профсоюз, отказавший в поддержке рабочим, ввиду оставления ими работы без его, союза, согласия — рабочие постепенно стали приступать к работе. Первыми приступили к работе старики и многосемейные рабочие, а за ними потянулись остальные. 13 рабочих обратно администрацией приняты не были.

Для оздоровления „атмосферы" на завод пригнали 11 коммунистов.

А в наказание и в поучение рабочим, представитель профсоюза об'явил бастовавшим, что они лишаются юбилейного подарка.

Петроград. На фабрике „Скороход".

По количеству занятых рабочих фабрика представляет собою в настоящее время одно из крупнейших предприятий Петрограда. Но вот кое-какие факты, рисующие положение рабочих на ней.

В слесарно-механическом (ремонтном) цехе, где насчитывается 110 рабочих, мастер перед шабашем об'являет 12 рабочим, чтобы они остались в мастерской после окончания. Те остались, предполагая, что их ожидает какая-то экстренная работа. Когда-же остальные рабочие разошлись, у оставленных были отобраны заводские марки, и им было об'явлено, чтобы на-завтра они явились уже не в цех, а в контору за рассчетом. Никаких предупреждений и переговоров с делегатом мастерской не велось. Уволенные в большинстве хорошие квалифицированные рабочие-металлисты, беспартийные.

Рабочим с самаго начала показалось странным, что „сокращение штатов", коснулось как-раз тех беспартийных, которые старались не давать себя в обиду администрации и завкому и проявляли некоторую активность при столкновениях рабочих с „хозяйственниками". Но вскоре вся гнусная подоплека этой расправы раскрылась вполне.

На 110 рабочих мастерской насчитывалось 6 коммунистов; они были известны рабочим, которые их изолировали, обсуждая свои дела без коммунистов. Но вдруг после увольнения активных рабочих разносится неожиданная новость: коммунистов оказывается не 5, а 16! До поры, до времени 11 прятались под личиною беспартийных, выполняя провокаторскую работу „информации". Эти „беспартийные" коммунисты насаждались втечение нескольких месяцев путем переброски из других отделов и из района. Теперь цель кампании была достигнута, беспартийный активный массовик разгромлен — и маски сброшены. В результате — настроение крайне подавленное. Рабочие начинают опасаться друг друга. Каждое смелое слово вызывает подозрение, — а нет-ли здесь провокации? Слухи о предстоящем увольнении еще 15 рабочих внесли еще большую деморализацию: рабочие напуганы до того, что, получая от мастера работу, боятся даже спросить о расценке на вещь. Удивительно-ли, что делегатом от мастерской выбран „единогласно" коммунист?

Профессиональный союз во всей этой истории ничем себя не проявил, и рабочие считают обращение к нему за помощью в борьбе с коммунистами бесполезным.

Невидимка.

Экономическая борьба московских трамвайщиков.

В средних числах октября среди трамвайщиков гор. Москвы возникло движение на почве увеличения заработной платы и возобновления выдач обмундирования.

Трамвайный рабочий 1-ой категории (т. е. при поступлении) в довоенное время получал 37 р. 50 к. К этому каждый из них имел еще от 10 до 25 рубл. в месяц так называемой переработки. Кроме того выдавалось обмудирование — летнее (брюки, мундир, фуражка и т. д.) и зимнее — (валенки, теплая шапка, рукавицы, тулуп и пальто).

При коммунистической Управе (уже нэповского периода) выдача обмундирования прекратилась. Жалованье же им выдавали по 85 милл. руб. в месяц. Если перевести на золотой рубль — заработок кондуктора и вагоновожатого равнялся 8—9 рубл.

В связи с возвращением на работу старых квалифицированных рабочих, разошедшихся в годы 1918—20 по домам, а главное, с наступлением холодов рабочие стали требовать упраздненного большевиками обычая — выдачи обмундирования.

Под давлением масс местком Замоскворецкого трамвайного парка созвал собрание рабочих парка, пригласив на собрание также представителей других парков. Явился на собрание также заведующий Московским Коммунальным Хозяйством гр. Советников.

Учтя настроение собрания, гр. Советников заверил собрание, что не позже 20—25 октября всем рабочим будет выдано полностью зимнее обмундирование и увеличен заработок. Заверения эти оказались лишь обманом, к тому же обманом худшего сорта.

Вместо выдачи полного обмундирования Г. П. У. по директивам Коммунального Хозяйства произвело аресты среди трамвайщиков. Аресты совпали со сроком выполнения обещания. В Замоскворецком парке арестовано 38 человек и делегаты на собрание из других парков, из Сокольнического парка 2 человека, из Золоторожского — 2, Пречистенского — 2 и т. д.

Одновременно части рабочих выдали полушубки с рукавицами без шерсти.

Нужно отметить, что весть об аресте вызвала среди рабочих Сокольнического парка большое возбуждение и собравшиеся на другой день после ареста рабочие в виде протеста не приступили к работе.

Комячейка и местком решили пробить создавшееся настроение путем пуска трамвайных вагонов силами коммунистов, но оказалось, что среди рабочих парка коммунистов хватило лишь для пуска одного трамвайного вагона.

После долгих уговоров рабочие в 11 час. дня приступили к работе.

В настоящее время часть рабочих совобождена.

Тула. Из жизни рабочих.

У нас в Туле на заводах проходят перевыборы уполномоченных и членов постоянно-действующих конференций. Социалдемократия участия не принимала вследствие высылки и арестов ряда товарищей. Рабочие Орудийного и Патронного заводов выбирают поэтому беспартийных. Выборы обычно происходят так. Комячейка представляет список, рабочие его не принимают и выдвигают своих кандидатов. Но представитель профсоюза списка не утверждает: нет, мол, подписи... А рабочие подписывать боятся: завтра вылетишь на улицу. На собрании начинается крик, рабочие настаивают, чтобы список приняли. Коммунисты, чувствуя свое бессилие, берут тогда на „испуг". Задается вопрос: а обязуется ли имя рек проводить в жизнь постановления 5-го с'езда профсоюзов? Только тогда, мол, мы можем утвердить данного кандидата... Так было в нескольких мастерских нашего заводов.

— Кооперативы лишь на бумаге. Рабочих наших заводов в октябре перевели на денежную оплату. На Патронном заводе выдали заборные книжки, без которых ничего нельзя получить. Поставлено все по бюрократически. Чтобы получить один аршин мануфактуры или что-нибудь другое, нужно стать в очередь в час ночи и только в 8 ч. утра получишь квиток.

Материальное положение рабочих тяжелое. Особенно тяжелым оно становится с наступлением зимы.

22-го ноября 1922 г. Туляк

Расправа с профессионалистами.

Положение работников народной связи (почта и телеграф) исключительно тяжелое. Особенно низки ставки низшего персонала. В провинции положение усугубляется еще неаккуратной выплатой жалованья. На этой почве волнуются почтовики. В период декламации о „новых задачах" союзов, о „связи" с массой, о защите ее экономических интересов коммунистическая союзная бюрократия (а союз народной связи, как и следовало ожидать, законопослушен и возглавляется одними коммунистами) сделала вид, что она „борется". Без массы, конечно, помимо нее. Отношениями на имя Наркомпочтеля. Из такой борьбы ничего конечно не выходило. С мест стали поступать угрозы приостановки работы — союз, правда, в них не виноват, но он-де не может сдержать массы... Этот спор карася и щуки разрешался беспристрастным судом ... щуки: Политбюро ЦКРКП, и его член по профсоюзной линии Томский всемерно осаживали своих чиновников из Союза народной связи. Борьба эта закончилась на недавно состоявшемся Всероссийском С'езде Союза Народной связи. При выборах нового Ц. К. Союза над коммунистической фракцией с'езда было произведено обычное насилие: большинство старых чиновников ЦК. — его, так называемые, лидеры — (Ефретов и др.) единогласно избранные фракцией в новый ЦК., были однако по протесту Наркомпочтеля, облеченному в форму постановления политбюро ЦКРКП, отведены, и на их место Томским назначен ряд мелких чиновников из Московского Губ'отдела Союза, своим подхалимством перед комиссариатом только начинающих свою карьеру. Фракция с'езда тихо, шопотом волновалась. И не возражала она уж совсем, когда получила извещение от „вышестоящих", как у нас выражаются, органов о назначении председателем ЦК Союза ничего общего с почтовиками неимеющего Лутовинова. Его задача повидимому — выпрямлять линию союза в сторону подальше от „новых задач" профсоюзов. Попавшие в опалу Цекисты — чиновники теперь всячески отбиваются от уготовленной для них ссылки.

Харьков. Работники почты и телеграфа.

Экономическое положение харьковского почт.-телегр. работника очень тяжелое. Заработок рабочего 1-го разряда в сентябре не превышал 14 милл. рубл. В октябре ставка для 1-го разряда не превышала 2 рубл. 75 коп. (зол. руб.). Опубликованные данные говорят, что по всей почт.-телегр. России дело не лучше. Средняя ставка квалифицированного п.-т. работника 8—9 разр. (каковых в союзе большинство) не превышает 7 зол. рублей в месяц. Рабочий день в целом ряде п.-т. предприятий Украины — до 10—12 час. и больше. Все эти данные официально зафиксированы. Бесправие невероятное. Ком'ячейки творят, что хотят. „Союз" как огня боится общих собраний. Всякое требование улучшения трактуется как „меньшевизм" и пресекается в корне. Под „сокращение" подводятся все наиболее сознательные товарищи. Мы буквально задыхаемся в этой атмосфере.

Еще в марте конференция п.-т. работников в Харькове вынесла недоверие своему „союзу". „Союз" только плюнул на это постановление. Но это внесло огромный перелом в настроение массы. Самые несознательные товарищи поняли, что у них нет союза. Все попытки организованно разрешить больные вопросы разбивались о глухую стену бюрократического учреждения.

Так подготовлялся взрыв. И он произошел. В начале июля после общего собрания харьковский телеграф об'явил забастовку, пред'явив ряд экономических требований, из которых главное было увеличение заработной платы. Ц. К. союза по обыкновению сыпал телеграммами и обещаниями.

Харьковская стачка стала известна почти всей п.-т. России, выявив общее сочувствие п.-т. работников (не только украинских).

Стачка продолжалась несколько дней и окончилась победой. В ней участвовало не менее 800 чел. Харь-

новцы оказались не одиноки в этой борьбе. Мы получили ряд сведений, впоследствии подтвердившихся оффициально, о забастовках в этом году в Одессе, Баку, Краснодаре, Омске, Москве, Ростове на Д. и др. городах. 1921 г. тоже не отличался мирным житьем. Даже казенный „Пролетарий связи" подтверждает, что стачки п.-т. работников имели место в Симбирске, Москве, Ростове на Д. и т. д. Казенный союз обрушивается на стачечников, выбрасывая их из союза, об'являя локауты, обращаясь к помощи Ч. К. и пр. Но мы верим, что лучшее будущее для русского рабочего не за горами.

Страховая кампания.

Кампания по проведению страховых касс, начатая еще в марте с. г., приходит к концу. Повсюду, на всех предприятиях, в учреждениях висят огромные плакаты, изображающие рабочего с молотом в руке и надпись аршинными буквами: „Товарищи, только социальное страхование, только страховые кассы спасут вас от безработицы, болезни и пр."

Но вот что констатирует присяжный докладчик Упр. Соц. Стр. в Москве: „О т с у т с т в и е к а д р а п о д г о т о в л е н н ы х р а б о т н и к о в и необходимость проведения широкой кампании на местах". Эти беды устраняются тем, что открываются 10-дневные курсы для подготовки опытных работников в области страхования. Состав курсантов по образовательному цензу: 84,8% с низшим образованием; политическая принадлежность — 66,7% члены Р. К. П., откомандированные Укомами. Посещаемость курсов (10-дневных!) 61,7%. Развив „широкий кругозор", стали проводить кампанию, да так успешно, что районы завопили, чтобы Стр. Упр. лучше совсем не посылало докладчиков, чем таких, которые выступали.

Как прошла кампания по Москве? „Из общего количества застрахованных по Москве в 281 631 чел. 67% избирателей вовсе не явилось, и вся кампания подрывается а б с е н т е и з м о м избирателей".

А какова ф и н а н с о в а я б а з а страховых касс, „каких не знает буржуазная Европа с ее отсталой рабочей политикой".

	Число страхователей.	Колич. застрахованных.
Госуд. предпр.	357	42 955
Общ., кооп., аренд. .	658	18 862
Прочие	437	93 623
	1452	155 440

Из 1452 предприятий только от 690 поступили взносы

Государств.	2	124 застрахованными.
Общ., кооп., аредн. .	62	„ 2 793 „ „
Прочие	626 (Ред.)	„ 20 873 „ „
	690	23 790

Поступление взносов в уездах представляется в следующем виде:

	Начислено взносов	Из них поступило
Фонд „Б" (инвал.) ..	53 199 456 р.	37 929 378 р.
Фонд „В" (безраб.) ..	15 071 437 „	10 471 270 „
Фонд „Г" (лечение) .	17 850 670 „	14 471 101 „
Без обозн. фонд. ...	181 355 031 „	73 945 101 „
Штрафы и пени.....	2 303 854 „	1 572 218 „

762 или с в ы ш е п о л о в и н ы зарегистрированных застрахованных единиц с количеством застрахованных в 131 750 чел., т. е. около 85% общего числа застрахованных, неаккуратно платят или вовсе не платят взносов.

На 1-е октября валовая сумма н е д о и м о к составляла:

По фонду инвалидности ..	78 613 550 р.
По фонду безработицы	24 169 938 „
По фонду леч. помощи ...	60 886 141 „
По штрафам и пеням	97 034 111 „
И т о г о	260 638 741 р.

Такова действительная картина „небывалого" страхования.

Н. Б.

Новые задачи профсоюзов и Че-ка.

В Большом Академическом Театре в Москве недавно произошла забастовка части оркестра. Оплата труда оркестрантов была столь низка и так несоответствовала ставкам расплодившихся в Москве частных театров, что около 50 музыкантов коллективно оставили службу в оркестре и поступили на другие места. По этому поводу уличная желтая пресса („Воскресные известия" К. Новицкого) подняла шум. Она между прочим с гордостью указывала, что работники искусств — видные музыканты, профессора — в своей массе оказались столь сознательными, что решили выступить в качестве штрейкбрехеров. И действительно, при содействии коммунистического правления Союза Работников Искусств (артисты и музыканты, как известно, всегда, а особенно сейчас при Нэп'е, коммунистически настроены: правление Союза из коммунистов) места ушедших музыкантов стали заполняться. Против бастовавших начались репрессии. По указанию коммунистических вождей Союза для вящего внедрения в массу „новых задач профсоюзов" и во избежание прецедентов, несколько забастовщиков все же арестовано Московской Че-кой.

К характеристике «красных» директоров.

В дни борьбы коммунистов с московскими рабочими-химиками за захват союза значительную роль сыграл директор завода «Богатырь» старый член РКП Мюрат. Этот ловкий карьерист азиатскими методами — угроз, подкупа, фальши, если не дал коммунистам победы — они все же были в меньшинстве — то много сделал для взрыва союза. Об'явив себя беспартийным и призывая рабочих (на публичных собраниях) «гнать к черту большевиков и меньшевиков», он образовал свою «деловую» группу из делегатов — рабочих своего завода и одних террором, других — подкупом повел против союза. В состав первого назначенного правления союза вошел, конечно, Мюрат, переставший затем скрывать свое большевистское звание. Свирепый директор, не признающий никакой узды снизу от рабочих и их организации, думающий только о своей карьере, Мюрат уже на второй день вступил в конфликт с большевистским правлением союза и по его настоянию представитель союза — секретарь завкома — коммунист был в 24 часа убран с завода. В короткое время Мюрат отучил правление союза «совать свой нос» в его «трест» и «его» заводы. Окружив себя штабом из старых директоров резиновых заводов, Мюрат правит предприятиями полностью по старинке. Методы свои он сейчас счел нужным пропагандировать для общего применения. В одном из последних номеров «Правды» без всякого примечания редакции помещена статья Мюрата, посвященная борьбе со взяточничеством. В числе других мер борьбы, неоднократно ранее отмечавшихся, Мюрат предлагает новые: 1) освобождение директоров и вообще администрации от биржи труда, от необходимости принимать работников с биржи и 2) упразднение прав всяких тарифно-конфликтных комиссий и месткомов в отношении увольнения администрацией неугодных ей работников. Мотивы — биржа труда посылает на работу всякое жулье; «это жулье проникает обычно в месткомы»...

В Донецком Бассейне.

О тяжелом положении Донецкого бассейна хорошо известно. Но нужно жить здесь, чтобы иметь полное представление о положении рабочего класса.

Сейчас принимаются усиленные меры к вербовке новых рабочих. Но результаты вербовочной кампании пока незначительны и вряд-ли улучшатся. Причина, конечно, в том, что деревня начинает оправляться от прошлогоднего голода, а разбежавшиеся из Донбасса рабочие далеко по деревням разнесли весть о неимоверно тяжелых условиях жизни в бассейне. Когда один опытный вербовщик привез 17 з а б о й щ и к о в, об этом возвестили местные газеты, их бросили в одну шахту и немедленно протрубили о повышении добычи. Сейчас выдают премию за обучение забойщиков, но все это может дать лишь мизерные результаты. При наличии же такого количества забойщиков вряд-ли удастся существенно увеличить добычу по сравнению с сентябрьской — самой низкой в этом году.

Не лучше положение в металлургической промышленности. По постановлению полномочной коммиссии при СТО из всех заводов, входящих в Югостальтрест и находящихся в Донбассе, предполагалось сохранить работающими лишь Петровский, Юзовский и отчасти Макеевский. Но уже в начале ноября шли упорные слухи об остановке Петровского завода и закрытии Макеевского. Главная причина — отсутствие топлива, ибо рудники, обслуживающие заводы, пострадали еще больше, чем рудники УГКП. А удастся-ли вербовочной комиссии помочь — весьма сомнительно, ибо оплата труда на предприятиях Югостали еще ниже, чем в предприятиях УГКП.

Каково-же п о л о ж е н и е р а б о ч и х в этой важнейшей отрасли народного хозяйства? Нигде, вероятно, бесправие, материальные лишения рабочих и оторванность профорганизаций от массы не сказываются так ярко, как в Донбассе. О прошедших месяцах рабочие вспоминают с ужасом. Был форменный голод: жалованья не платили, перевели на голодный паек. Чтобы выработать несколько лишних фунтов хлеба, рабочим приходилось работать по 14—16 часов. Еще сейчас на Макеевском и Юзовском заводах не уплачена заработная плата за март, апрель, май. Неоднократные обещания не выполняются. Хозорганы все мудрят. На Юзовском думают платить по старым ставкам, а на Макеевском товарный рубль собираются исчислять в 2 милл., между тем как в ноябре уже товарный индекс по данным Донгубэкосо доходил до 12 милл.

Но положение не улучшилось и за последние месяцы. Приходится удлинять р а б о ч и й д е н ь, чтобы премиальными и сверхурочными добиться мало-мальски сносных условий существования. Вот типичный рассчетный листок рабочего-металлиста. Июнь — средний рабочий день 10,4 часа, июль — 12,9 часа, август — 13,5 часа, сентябрь — 9,4 ч. Некоторое понижение в сентябре об'ясняется повышением ставок.

Но у хозорганов есть способ уменьшать и без того ничтожную плату. Так, напр., в июне и июле на Макеевском по

оглашению с тарифно-нормиров. бюро рабочие добились приплаты за сдельную работу 90% нормальной за июнь и 100% за июль. Но вот к августу заключается коллективный договор, по которому за сдельную и поденную работу устанавливается лишь 50% прибавки и, конечно, заводоуправление сейчас-же дает этому пункту обратную силу (благо, заработок еще не выплачен). Практикуется и другой прием. До коллективного договора перевод с товарного рубля в денежные знаки производился по индексу дня расплаты. С заключением договора индекс стали печатать на рассчетном листке заранее на 1-е нового месяца. Результаты таковы: за сентябрь рабочему X причитается за вычетом натуры 183 тов. рубля или по индексу 88 милл. рублей. Но они выплачиваются: аванс 45 м. — вместо положенного в договоре срока 1—5 октября — 21-го, а жалованье 43 м. вместо 15—20 окт. — 10 ноября. Т. к. товарный индекс на 1-е окт. — около 5 милл., 20 окт. — около 8 милл., а на 10 нояб. уже доходит до 12 милл., то при такой системе выплаты рабочий теряет 33% денежного заработка.

Что-же делает союз, чтобы защитить рабочих от эксплуатации и обсчитывания? Вот характерный случай. Провести на Макеевском договор приезжал сам председатель Донрайкома металлистов. На вопрос рабочих, что-же делать, если заводоуправление не будет платить в сроки, установленные в колл. договоре, он ответил: „о, тогда мы наделаем тарарам!" Уехал сей муж в Москву, рабочие потребовали уплаты за прошлые месяцы, им не дали. Они и выполнили угрозу предрайкома — об'явили забастовку. Длилась она с 3 по 6 июля. На 4-й день присоединились рудники. С'ехались представители проф. и парт. организаций. Пресса, конечно, вела очередную травлю меньшевиков, но все-же на районном заседании было вынесено официальное постановление, что уплата за март, апрель, май должна быть произведена не позже 1 сентября. Но до 10-го ноября обещание еще не было выполнено. Такова роль союза — надуть, запугать рабочих, лишь-бы угодить парткому и заводоуправлению.

А вот другой случай. Во время голода летом на Макеевский привезли мясо и рыбу в таком гнилом виде, что при всей нужде рабочие не решались их брать. А из взявших четверо поплатилось жизнью. 2 вагона мяса свезли ночью на свалочное место. Как тут не вспомнить знаменитую Ленскую историю! Возбуждение на заводе было невероятное. Тогда вмешался председатель профсоюза Москальцев. Он выступил на собрании против директора, „хозяина" Андронникова („хозяином" он сам себя величает, и рабочие его иначе и не зовут). Но результаты были для Москальцева невеселые. По настоянию Андронникова (он-же член бюро Упарткома) Москальцева сместили и отправили сначала в Юзовку, а затем на рудники. Назначили менее строптивого.

Неудивительно, что выборы в союз — сплошная комедия: сначала выбирали беспартийных, но они под угрозами сверху ничего не могли сделать. Стали выбирать коммунистов. Но этих ждет судьба Москальцева, если они не подчиняются заводскому начальству. И теперь выборы вовсе не привлекают внимания рабочих. Не лучше и с выборами в Совет. В конце октября состоялись выборы на Макеевском. Из 2000 чел. присутствовало не более 200. И среди них нашелся один смельчак, призвавший рабочих не участвовать в палочных выборах. С ним ушло с собрания 30 чел. Остальные молчаливо „избрали" предложенный список. Интерес к Совету настолько незначителен, что „депутаты" никогда не отчитываются.

Такова картина безотрадной жизни донецкого рабочего. Неудивительно, что рядом с апатией, затаенной злобой к „красным директорам" и коммунистическим чиновникам союза, недовольство, за отсутствием возможности организованного отстаивания своих интересов, выливается в частые стихийные забастовки. Иногда оно прорывается в формах, воскрешающих далекое прошлое рабочего движения. Так в октябре на одной из крупнейших шахт „София" вспыхнула очередная забастовка. „Уговаривать" явился замдиректор Ликсутин. Но во время речи в него были пущены два здоровых булыжника, к счастью попавших не в голову, а в руку. Не всегда тепло принимают рабочие и знатных столичных гостей. Не повезло, напр., Богданову с Межлауком во время их летней поездки. На Петровский они попали во время забастовки, и тоже пытались „уговорить" и „об'яснить". Но их освистали и прогнали. Пришлось уже в Юзовке подобрать более осторожно состав слушателей.

В этом году было произведено бюджетное обследование донецких рабочих. Обследованию подверглась 571 семья (800 чел.). Около 90% обследованных живут на месте более 5 лет. Но при этой сравнительно прочной оседлости тяжкие условия заставляют рабочих срываться с места, а власть — прибегать к принудительному прикреплению к заводам. Так в июне после декрета о свободе труда рабочие одного из заводов бросились толпами за рассчетом. Администрация обратилась за помощью в союз, и услужливые чиновники запретили увольнение.

Статья об обследовании бюджета донецкого пролетариата (в „Матер. по стат. труда Украины") заканчиваются след. выводами: Обремененный семьей, живущий главным образом на трудовой заработок, рабочий Донбасса в июне этого года едва удовлетворял свои основные физиологические нужды. Подавленный нуждой он далеко не удовлетворял культурных запросов. Питание его далеко недостаточно. тяжелую работу на рудниках и заводах рабочий производит за счет разрушения своего организма. Рабочий Донбасса стоит перед угрозой преждевременной смерти от истощения или от болезни. Эти строки из официального издания служат прекрасной иллюстрацией к сладким речам г. г. Зиновьевых на 4 конгрессе Коминтерна об улучшении положения русских рабочих.

Друг.

Из партии.

Постановление Бюро Ц. К.

В развитие решения о реорганизации партийного аппарата (см. «Соц. Вестн.» № 20/42 XI) Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в заседании своем от 25 ноября постановило:

1. Все местные организации и учреждения партии об'являются распущенными.

2. На местах создаются новые комитеты, которым поручается немедленно произвести регистрацию членов партии и реконструкцию партийного аппарата.

Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Харьков. Судьба арестованных с.-д.

Судьба арестованных по делу с.-д. уже известна. 26 высылаются в Туркестан (из них 8 на 1½ года, остальные на 1 год. На 1½ года — Корелиц, Карлинский, Шифрин, Бару, Фризман и др.). Нескольких человек предполагают предать суду Ревтрибунала. Среди них есть и беспартийные. Ауссем, Бухина и П. Абр. Цейтлина обвиняются в хранении в преступных целях бланков разных учреждений, а т. Ауссем еще в содействии побегу одного заключенного; Котов — в проживании по подложному документу, Грачев (печатник) — в укрывательстве Котова.

В связи с выборами в Совет местная организация Р.С.Д.Р.П. выпустила листовку.

Из Грузии.

В Берлин прибыла партия в 62 ч. высланных из Грузии. Среди них 35 рабочих, 13 студентов, остальные представители интеллигенции. 56 ч. из числа высланных члены с.-д. партии. В числе их: один член демократического правительства Грузии, 6 членов Учредительного Собрания, весь президиум Центрального совета профессиональных союзов, президиум союза железнодорожников и т. д.

Со слов прибывших товарищей передаем некоторые подробности о нынешнем положении в Грузии.

1. Среди большевиков.

За последнее время заметно усилилось стремление оккупационных властей к насильственной руссификации Грузии. После завоевания Грузии большевики об'явили, что сохранят за грузинским языком роль государственного, обещали создать грузинскую красную армию и т. д. В дальнейшем от всех этих обещаний они отказались. А в последнее время начали открыто проводить политику, имеющую целью уничтожение всяких следов независимости Грузии: усилились преследования против грузинского яз., систематически выбрасываются с фабрик и заводов местные рабочие производится «чистка» ведомств от грузин.

На почве этой «колонизаторской» политики в рядах большевистской партии наметился характерный раскол.

Для прикрытия оккупации, большевистское правительство с самого начала пользовалось кучкой грузин-коммунистов (работавших раньше в советской России), и выдвигало их на видные посты в Тифлисе. Но и они оказались неспособными проводить предуказанную им политику с той прямолинейной твердостью, которой требовали от них в Кремле. Отсюда — любопытная чехарда. Первый председатель грузинского Совнаркома Ф. Махарадзе показался в Москве слишком мягким, — его уволили и заменили твердокаменным Б. Мдивани. Затем решили, что и Мдивани недостаточно тверд. — прогнали и его, назначив на его место С. Кавтарадзе. А недавно и на Кавтарадзе пало обвинение в «уклонизме» (уклоне в сторону национализма), и он уволен.

По тому же обвинению в «уклонизме» уволен и переведен в Москву тифлисский наркомфин Сванидзе. На его место назначен некий Измайлов. Постигла опала и предчека Грузии Ципладзе.

Эти мероприятия московского правительства привели к тому, что даже крошечная кучка поддерживавших оккупа-

ционные власти грузинских коммунистов в настоящее время распадается и разлагается.

2. Среди рабочих.

Профессиональные союзы, некогда охватывавшие всех рабочих Грузии, в настоящее время фактически прекратили существование, — по крайней мере, в виде органов классового об'единения, классовой самодеятельности и защиты труда.

Работа уничтожения независимости союзов ведется с первого дня вступления «красных» войск в Тифлис. Уже 27 февраля 1921 г. большевики захватили здание Центрального Совета профессиональных союзов Грузии и об'явили распущенными все избранные рабочими правления союзов и их центральных об'единений. На заводы и фабрики были командированы коммунистические «тройки» с двойным мандатом: присматривать за рабочими и представлять их политически.

Такие же «тройки» были посланы во многие союзы в качестве их правлений. В провинциальных городах функции правлений профессиональных союзов были переданы местным ком'ячейкам, являвшимся вместе с тем отделениями чека.

В некоторых союзах были, впрочем, назначены выборы: большевики надеялись, что, под угрозой штыков и при обещании подачек в случае проявления благонамеренности, рабочие примут их кандидатов. Но ни в одном союзе большевистские кандидаты не прошли в правление. Это дало повод для новых репрессий против профессиональных союзов.

Вот несколько примеров таких репрессий.

Из железнодорожного союза (самого сильного в Грузии) 200 ч. было арестовано, 500 ч. переведено в Россию, множество членов союза (грузин) рассчитано. Сам союз распущен и «влит» в «закавказский союз», имеющий характер чисто казенного учреждения.

В союзе почтово-телеграфных служащих перевыборы правления были назначены трижды. Все три раза избирались кандидаты с.-д. партии. 50 чел. арестовано.

В союзе трамвайных служащих все правление арестовано на другой день после выборов.

Союз печатников совершенно разгромлен арестами, увольнениями, высылками.

В союзе учителей три раза в правление избирались неугодные большевикам кандидаты. В виде репрессии союзу было запрещено избирать правление, и в него была назначена «коммунистическая тройка». Когда и это не помогло, были арестованы члены старого правления, а сам союз распущен.

Равным образом, много раз советская власть арестовывала в полном составе заводские комитеты (в Арсенале, на табачных фабриках и т. д.).

О роли назначенных большевиками правлений можно судить по одному факту: 6-го июля с. г. большевистский совпроф постановил исключить из союзов и рассчитать со службы несколько тысяч рабочих в виде репрессии за участие в манифестациях протеста 24—26 мая.

3. В с.-д. партии.

Нелегальная работа партии развивается. Выходит регулярно с.-д. пресса, издаются листки и прокламации. Установлена сплошная сеть комитетов. Влияние партии на массы рабочих и крестьян ни в малейшей мере не поколеблено репрессиями. Идейно с.-д. партия в Грузии теперь сильнее, чем когда бы то ни было.

В кассу „Социалистич. Вестника за декабрь поступило:

	г. марок
От берлинск. с.-д клуба	10 000.—
„ т. К.	5 000.—
„ женевской группы содействия 25.— фр.	
„ М. З. через т. Мартова	15 000.—
Всего: шв. франк. 25, и герм. мар.	75 000.—

В пользу заключенных и ссыльных с.-д. в России поступило за декабрь:

	г. марок
От Л. Чижевской	1 000.—
„ берлинск. с.-д. клуба	10 000.—
„ И. Ш.	5 000.—
„ З. через Д.	20 000.—
Собрано на докладе т. Абрамовича в Гааге голл. гульд. 130.—	
От С. Марш. 10% отчисл. за ноябрь-декабрь	10 000.—
Собрано Виленской организацией Бунда польск марок 253 000.— (в том числе 25 000.— для Киевских т-щей	129 000.—
От т. И. через т. Абрамовича	10 000.—
„ М. З. через т. Мартова	15 000.—
Всего: гульденов 130, герм. мар.	200 000.—

Почтовый ящик.

Получены №№ 60а, 61, 62, 63.

Посланы №№ 24, 25,

Verantwortlich für Redaktion und Verlag: Alexander Rubinstein, Berlin-Charlottenburg. — Druck von H. S. Hermann & Co. Berlin SW 19, Beuthstr.